

АННА БОЙЧУ

ТАВЕРНА

“ПЕРЕКРЕСТОК”

Под сводами таверны "Перекрёсток" перебирает струны незнакомец-бард, скрывающий свою личность под широкополой шляпой и алой маской, поющий легенды путникам, остановившимся на ночлег. За стойкой его заслушались сбежавшая из-под венца хозяйка таверны Ветта, умеющая готовить потрясающего вкуса десерты из цветов, и её помощница Эймера, спасённая пожилым огром на тракте — благодаря ей чистота и порядок царят в зале и комнатах постояльцев. Гости приезжают и уезжают, каждый из них может рассказать байку, ту, что была на самом деле, и уж точно произошла с другом их друга! И каждому из вас там будут рады, угостят золотистым вином из лучших эльфийских виноградников, поделятся свежеспечённым хлебом и попросят поделиться своей историей. Добро пожаловать!

- [Анна Сойтту](#)
  - [Пролог](#)
  - [Глава 1. Таверна на перепутье](#)
  - [Глава 2. За помощью](#)
  - [Глава 3. Поиски беглой наречённой](#)
  - [Глава 4. Что ты сделала?](#)
  - [Глава 5. Проклятое место?](#)
  - [Глава 6. Спасение утопающих](#)
  - [Глава 7. Первые постояльцы](#)
  - [Глава 8. Ох уж эти эльфы!](#)
  - [Глава 9. Новая жизнь](#)
  - [Глава 10. Аммилисы такие странные...](#)
  - [Глава 11. До края мира и обратно](#)
  - [Глава 12. Тёмные души некоторых людей](#)
  - [Глава 13. Если взяться дружно](#)
  - [Глава 14. Новая роль аммилиса](#)
  - [Глава 15. Песня о долгом пути](#)
  - [Глава 16. Когда зажигают звёзды](#)
  - [Глава 17. Если эльф в тебя влюбился](#)
  - [Глава 18. В ожидании](#)
  - [Глава 19. Цветочные сладости](#)
  - [Глава 20. Несправедливость](#)
  - [Глава 21. Я тебя знаю](#)
  - [Глава 22. В омут с головой](#)
  - [Глава 23. Без оглядки](#)
  - [Глава 24. Когда опадают лепестки](#)
  - [Глава 25. Вечер волшебства](#)
  - [Глава 26. Визит капитана стражи](#)
  - [Глава 27. Такой бывает правда](#)
  - [Глава 28. Буря повсюду](#)
  - [Глава 29. Путь навстречу](#)

- [Глава 30. Остаться невозможно уйти](#)
  - [Эпилог](#)
-

Анна Сойтту

Таверна "Перекрёсток"

На рассвете лир Сел покинул дом наречённой. Всё, что осталось от неё, только небольшое послание в конверте из шёлковой бумаги, да распахнутое окно со спущенными через подоконник вниз связанными простынями, выпустившее его невесту на свободу.

Прибыв накануне для знакомства перед союзом, он застал матушку и батюшку лиры Норе с холодно поджатыми губами, оба были недовольны поступком единственной дочери, в сердцах лиры отrekliсь от неё.

— Если решишь найти Ветту, лир Сел, так и передай этой взбалмошной особе, что на наследство она может не рассчитывать! Для нашей семьи она больше не существует! — тряхнув козлиной бородкой, лир Норе-старший махнул рукой, словно что-то вычёркивал с листа бумаги.

— Я передам, — Кейден Сел с равнодушием оглядел несостоявшихся родственников, поднялся с софы, вернул себе в руки перчатки и трость, поправил сюртук. — Искать ночлег уже поздно, прошу дозволения остаться в вашем доме, на рассвете я покину его.

— Конечно, лир Сел, это большая честь для нас! — раскудаhtалась лира Норе-старшая. — Ты можешь остаться в комнате Ветты, она уже слишком далеко отсюда, чтобы возражать данному решению. К тому же, лир Сел-старший ещё не аннулировал договор, и она всё ещё твоя наречённая.

Заюлив и стушевавшись под хмурым взглядом несостоявшегося спутника дочери, лира Норе-старшая притихла, молча проводила гостя до покоев и удалилась обратно в приёмную.

Комната была бы милой для юной особы высоких кровей, если бы не пестрела гербариями и сушёными травами под потолком, словно халупа деревенской ведьмы. Поморщившись, лир Кейден Сел обошёл помещение и заметил оставленный на подушке нетронутый конверт со своим именем. Неужели своей дочерью здесь настолько пренебрегали, что даже не потрудились сообщить о послании для него? Заходили ли вообще в эту комнату дольше положенного для осмотра, что Ветта действительно сбежала?

У лира Кейдена и ночь спустя на этот вопрос ответа не было. Устроившись в карете, вывезшей его на тракт, он снова достал послание с ровным, спокойным почерком, знакомым до каждой буковки по десяткам подобных, что лежали в ящике его стола в резиденции:

«Милый Кейден.

Прошу простить мне неподобающее поведение, но мои доводы так и не были услышаны ни моей, ни твоей семьёй. Данный союз не может рассматриваться, как возможный, не только по причине бедности и долгов моей семьи, но и высокого положения лиров Селов. К тому же, не считаю допустимой необходимость вверения вам своего сердца по причине откровенной абсурдности повода для нашего союза — списание долгов моих матушки и батюшки перед Двором. Есть много иных способов разрешения возникшей ситуации и всем доподлинно о них известно, каждый из них не единожды озвучивался мною на семейных собраниях и в письмах тебе. Но, по непонятной мне причине, от идеи невозможного в моих глазах по ряду обстоятельств союза так и не отказались. За сим прошу простить мне мой поступок, но иного выхода я не вижу и покидаю отчий дом в надежде, что ты всё же прибегнешь к другому способу решения возникшего конфликта моих и твоих интересов, а также интересов наших семей.

Надеюсь остаться тебе другом,

Ветта Норе».

Лир Кейден Сел убрал послание обратно в конверт, задумчиво погладил шёлковую бумагу — слишком высокое качество для бедной семьи — возможно, лира Ветта была права в своих письмах и об этом стоит поговорить с казначеем. А пока она была всего лишь сбежавшей наречённой, занозой в разладе двух семей, и вернуть её под венец было просто необходимо. Вот только где искать лиру, души не чающую в цветах и проводящую все свои дни среди домово́й черни? Ответа у лира Села не было, но сдаваться он был не намерен.

Глава 1. Таверна на перепутье

Она повела себя, как ребёнок! Ветта в очередной раз вздохнула, попрощалась с милостиво подвёзшим её, на момент встречи устало бредущую вдоль тракта, возницей. Тот оказался настолько вежлив, что разрешил ехать рядом с ним на облучке, а не среди тюков сена, пусть и отборного, которые вёз на продажу в город. Ветте Норе следовало держаться подальше от городов — искать там беглянку высоких кровей будут в первую очередь. Не могла же она добровольно отказаться от уюта и комфорта светской жизни? Наверняка пойдёт на бал или разместится в гостевом доме, не на постоялом же дворе будет искать ночлег наследница лиров Норе? Пользующаяся любой минуткой, чтобы скрыться среди поденщиц и поварих, проведать конюхов и землепашцев — Ветта могла ночевать и в брошенном сарае, который миновала несколько часов назад повозка. Но кто же в это поверит?

Радостно улыбнувшись свободе, юная лира в прошлом, а теперь храбрая путешественница, она опустила на землю свой нехитрый скарб: всё, что могло пригодиться в простой жизни. Пышные платья, туфельки и головные перья остались дома. Теперь её одежда состоит из простых вещей, что продаются в каждой деревенской лавке, и висят, послушные сушащему их ветру, на верёвках между деревьев на задних дворах селян. А к ботинкам на толстой подошве она давно привыкла — в туфельках на кухне и конюшне делать нечего. Разноцветные ленты в серебристых волосах — непозволительные для её статуса — весело трепетали в распущенных прядях.

Оглядевшись, Ветта приложила ладонь «лодочкой» над глазами, защищая их от яркого солнца, освещающего дневной тракт — видела бы матушка этот жест, уже бы просила нюхательной соли, чтобы прийти в себя. До зари следовало найти укрытие в лесу или ночлег у очередного доброго селянина. Здесь и днём небезопасно, что уж говорить о тёмном времени суток? Даже таким храбрым искателям приключений, как она, стоило поостеречься.

Взвалив сумку с пожитками обратно на плечо, лира Норе хихикнула своим мыслям, и свернула с наезженной и людной дороги на неприметный съезд — тут точно искать не будут. Ей нравилось думать о том, что начинается новая жизнь, свободная от правил, ненужных церемоний и союза, являвшегося абсолютным мезальянсом. И хотя Ветта знала Кейдена лишь по сухим деловым письмам, что приходили с самого дня её совершеннолетия каждые две седмицы, именно поэтому она и не сомневалась — тот тоже понимает, насколько глупа ситуация. Со дня их помолвки он не только издали контролировал её обучение обязанностям жены сына почётного лира, но и все финансы, что были выделены в качестве приданного, когда её семья ещё не обеднела. Эти деньги были неприкосновенны, что очень раздражало родителей, стремившихся обеспечить комфортом каждый свой день и вынужденных сейчас экономить на всём, включая любимые фрукты с Солнечных островов, чей сезон как раз подошёл.

Лира Норе снова вздохнула, тех монет, что она скопила с самого первого дня, когда объявили о её статусе наречённой, хватит едва ли надолго, но это довольно неплохой капитал, если распорядиться им с умом, что лира и собиралась сделать.

И без того малолюдный боковой тракт к вечеру совсем опустел. Свернув с основной дороги, ведущей к первому большому городу, ближайшему от их поместья — всего три дня

верхом или в карете, а пешком и с редкими согласными подвезти ушла почти седмица — лира не только оградила себя от назойливого внимания, но и лишила возможности получить помощь кого-то из торговцев или стремящихся в город на заработки искателей судьбы. Одетую, как простушку, её среди ищущих лучшей доли не заметили вестовые батюшки и поместные стражи, что несколько раз проезжали мимо, вынуждая сердце отчаянно стучать, а дыхание сбиваться. Только ушки торчком и нервно подрагивающий хвост выдавали её с головой, но кто из простых аммилисов не будет нервничать вблизи стражи? К счастью, это тоже не привлекло внимания. Лира вернула себе спокойствие только когда те скрылись далеко впереди.

Теперь всё это в прошлом. На съезде они её искать не станут. Тем более настолько заброшенном, что за прошедший час она не встретила никого. Только далеко впереди на фоне закатного неба темнело какое-то строение. Подойдя ближе к перепутью с загадочной постройкой, лира заметила покосившуюся вывеску: «Перекрёсток» гласило с разошедшей дощечки. И ни души на мили вокруг. Ветта сочла это хорошим признаком и приоткрыла незапертую, висящую на одной петле, чудом сохранившуюся дверь.

— Да это же таверна! — присвистнула лира Норе, оглядев ещё выделяющиеся в тусклом свете с улицы опрокинутые столы и разбитые стулья. Если бы она издала этот звук дома, в пору бы пришлось нести нюхательную соль уже батюшке.

Ветта щёлкнула пальчиками, зажигая световой шарик и осмотрелась: давненько это место заброшено! Истлевшие занавеси ключьями свисали с перекладин, заплесневевшие от времени скатерти выглядели не лучше. Лестница на верхние этажи с комнатками для ночёвки угрожающе шурила на нежданную гостью провалы в сломанных деревяшках ступенек. Стойка, покрытая пылью и изъеденная трудом сотен насекомых, тяжёлым массивом властвовала над этим заброшенным безмолвием, нарушаемым лишь тихими посвистываниями облюбовавших стропила летучих мышей, недовольных созданным лирой светом.

— Что ж, — поправив платье, Ветта опустила свой мешок прямо на грязный пол. — Пожалуй, это именно то, что мне нужно. Искать не станут, есть куда вложить деньги и, возможно, преумножить их. Не так уж и далеко главный тракт. Здесь я и обустроюсь.

Вооружившись метлой, найденной в облюбованной пауками кладовке, лира храбро поднялась на второй этаж, привела в порядок дальнюю комнату — до сюда случайные ночные гости точно не доберутся. Забаррикадировав вход продетой через петли метлой, бросила прямо на пол под единственным целым окном прихваченный из дома тёплый плед.

Когда закат окончательно погас, лира успела крепко уснуть в мечтах о том каким же красивым и весёлым станет это место.

Глава 2. За помощью

Утром лира Ветта Норе проснулась по привычке с первой полоской зари. Предстояло сделать очень много, и начать первым делом с плана. Для этого требовалось осмотреть всё, что ускользнуло от её внимания накануне. Связав плед в аккуратную рульку, пристроила его возле сумки, переделалась в брюки и рубаху, что не жалко было испортить — в ближайшей деревне можно будет купить новые — Ветта спустилась вниз. К тому времени солнце уже всюю помогало ей, освещая сквозь разбитые окна помещения таверны, вот только до укромных уголков ещё не добралось своими лучами.

Вода нашлась в единственном помещении: рядом с кухней на первом этаже. Наскоро умывшись, лира смахнула смоченной в воде метлой со стойки слой пыли, от души расчихавшись от неизбежно поднявшихся в воздух пылинок. В одном из незапертых ящиков обнаружилась пожелтевшая от времени, но ещё вполне крепкая бумага, и писчие перья, вот только тушь давно и безнадежно засохла, зато возле коробки для монет лежал потрескавшийся угольный грифель.

По самым скромным подсчётам Ветты расходов предстояло очень много, даже хвост понуро поник и уши прижались к голове от расстройства. Тех накоплений, что были в сумке, целых сто золотых чешуек и пятнадцать серебряных монет, хватит только чтобы восстановить таверну, да и то не всю — несколько комнат придётся оставить закрытыми до лучших времён. Но как тогда привлекать постояльцев? Зазывалам ведь тоже надо платить.

Нахмурившись, лира нервно махнула хвостом, подняв в воздух очередное облачко пыли, вынудившее Ветту снова звонко чихнуть. Грифель в её руке твёрдо вычеркнул из списка комнату на чердаке и кладовую, уменьшил количество столов и посуды, сэкономил на белье для комнат, которые не будут открыты. Довольно взглянув на список, лира принялась за усиленную уборку, для остального она решила, что наймёт мастеровых из ближайшей деревни.

Уже к вечеру от былой пыли и плесени не осталось и следа. Ветта мыла, драила и скребла всё до чего только могла дотянуться, от души благодаря предыдущего хозяина, который смог провести воду в комнаты по системе труб прямо из колодца. Где-то его хитрый механизм сломался, но лира Норе надеялась со временем найти мастера, кто это починит, а пока ей нужна была помощница, которая не будет чураться поднимать воду в комнаты постояльцев. А когда и сама Ветта ей поможет. Уснула лира без сновидений, даже не раздевшись.

Взглянув на свои труды на следующий день, безудержно охая и ахая от каждого движения, лира твёрдо вознамерилась обзавестись помощницей. На третий день желание переросло в потребность. И когда лира отмылась до былой чистоты меха и надела лучшее своё платье, то отправилась на поиски мастеровых. К тому моменту она уже остро нуждалась в помощи, понимая, как же много скрывалось от её глаз за ежедневным трудом домашних слуг, хотя ей и позволяли взглянуть на всё это.

Вместо главного тракта, Ветта проследовала до самого леса, возле которого и обрывался съезд, на который она свернула. Деревня под кронами обнаружилась достаточно быстро — доверившись своей интуиции, что не могла дорога вести только к таверне, теперь лира Норе довольно взирала на уютные деревянные домики с покрытыми широкими листьями и соломой крышами. Солнечные лучи бродили в листве и среди стволов, создавая на домах

причудливые тени.

— День добрый! — Ветта окликнула молодого мужчину рядом с коновязью. — Моё имя Ветта. Просто Ветта. Мне нужна помощь мастера по дереву и мастера по металлу. Здесь я могу их найти?

Незнакомец обернулся, недовольно оглядев нарушившую его сосредоточенность аммилису. Серебряный мех на ушах и хвосте такого светлого оттенка, что казался почти белым, выдавал в ней представительницу знати, но совершенно простого покроя платье резко контрастировало с её статусом. Просто Ветта? Амрэль задумчиво оглядел её ещё раз: большие зелёные глаза, румянец на щеках, чистая кожа, не загрубевшие от работы руки. Точно из знати, но так далеко от норных жилищ?

— Мастер животных Амрэль, к твоим услугам, — всё же соизволил ответить эльф. — Я провожу. Идём.

— Благодарю за помощь, — слегка склонила голову лира, с интересом взглянув на жителя лесов, любопытство аммилисы не укрылось от собеседника.

Мастер животных повесил новый недоуздок на ограду и пошёл вглубь деревни, не оборачиваясь, чтобы узнать следует за ним лира или нет.

По слухам, что ходили в землях Ветты, эльфы слышали и видели гораздо больше, чем самая зоркая птица и самая юркая мышь. Тёмные волосы Амрэля длиной до поясницы были заплетены в тонкие и узорные косички — лира Норе при всём желании не смогла бы повторить ни одно из плетений. Следуя за ним, Ветта вскоре привыкла к полумраку леса и даже стала замечать обитателей деревни, что в одежде всех оттенков коричневого и зелёного практически сливались с природой и своими домами. Ватаги ребятишек, притихшие до поры, пока смотрели на гостью, вскоре снова носились вокруг, с восторгом показывая на хвост аммилисы, что нервно дёргался от повышенного внимания, и от любопытства стоящие торчком на её голове ушки.

Лира боялась, что эльфы, к счастью оказавшиеся по соседству, откажут в её просьбе. Но лучших мастеров ей не найти даже за все деньги мира. И теперь Ветта Норе молила всех богов, каких только знала, чтобы лесной народ согласился помочь!

Глава 3. Поиски беглой наречённой

Лир Кейден Сел перечитал письмо в который раз. Казалось, он запомнил его до каждой запятой и точки. Изящный почерк с милыми завитушками обманчиво казался легкомысленным, но такой юная лира Норе точно не была. Своенравной, доброй, умной — да. Но не легкомысленной. Убрав письмо обратно в конверт, лир Сел положил его к десяткам подобных. Ветта была ещё и очень настойчива, если что-то было для неё важным. А важным для неё сейчас было доказать ему, что их союз — плохая идея.

Лир поднялся из кресла своего кабинета и подошёл к окну. Заложив руки за спину, принялся разглядывать фруктовый сад перед домом, как любил это делать в минуты раздумий. Помимо его воли, серебристый хвост раздражённо ходил из стороны в сторону за его спиной, отбивая ему бока, сметая лёгкую мелочь со стола рядом, а уши прижались к голове, выражая крайнюю степень раздосадованности.

Кейден без проблем мог ходатайствовать перед лиром Селом-старшим о разрыве помолвки: наречённая сбежала, её родители разорвали родственные связи с ней, озвучив о своём намерении перед посторонним — это было достаточным поводом. Но милые завитушки в письмах словно укоряли его за то, что он вообще рассматривает эту возможность.

Лира Ветта Норе сейчас одна во внешнем мире, вдали от норных жилищ. Прямо сейчас ей может грозить опасность, в ближайшем же городе найдутся алчущие заполучить аммилису без рода. Вот только магические способности его народа были слишком преувеличены легендами об одной из самых закрытых рас их мира. И вот теперь маленькая лира, пусть и выросшая в Приграничье, осталась один на один с большим миром. Разве она сможет себя защитить?

Нет, Кейден Сел не может просто так бросить поиски. Перебрав записки с донесениями от вестовых и стражей, что сухо сообщали о том, что высокородной аммилисы с серебристым мехом в окрестностях тракта и города не обнаружено, лир нахмурился.

— Куда же ты направилась, милая Ветта? — лир Сел, озарённый догадкой, повернулся к выходу так быстро, что голова на миг закружилась.

Травы в комнате, слуги, чьи разговоры он слышал, говорящие о Ветте, как о добром друге и славной помощнице, её письма с твёрдым и уверенным мнением о многих вопросах. Нет, эта лира точно не будет вести праздную жизнь ни в своих землях, ни в городах других рас. Она осталась где-то рядом и затерялась среди обычного народа — слишком много их повадок ей знакомы.

— Самин! — окликнул Кейден своего вестового.

До того замерший в ожидании указаний возле двери, аммилис с огненно-рыжим мехом встрепенулся, весь обратившись в слух.

— Распорядись о том, чтобы батюшке передали о моём отправлении на поиски наречённой. Сколько времени это займёт пусть его не тревожит. Лира Норе хоть и сбежала, запятнав своё имя, но отказываться от своих намерений я не буду. Мой конь и только самые необходимые вещи должны быть готовы через час.

— Как прикажете, лир Сел, — вестовой быстро поклонился и скрылся за дверью, поспешив выполнить поручение.

Спустя отведённый срок, лир Кейден Сел покинул свои владения, пересёк Пограничье и

направил скакуна неторопливой рысью по тракту к людским городам. Самин, как всегда, выполнил всё безукоризненно: небольшая седельная сумка вмещала лишь пару смен одежды, деньги и немного еды. Всё остальное он мог в любой момент купить в дороге, даже если поиски затянутся.

Путешественники и торговцы, исколесившие тракт, сменяли друг друга, скрываясь то в одной стороне горизонта, то в другой. Лир Сел неустанно останавливал тех, что спешили ему навстречу, с единственным вопросом: «Возможно ты видел? Аммилиса. Серебристый мех, зелёные глаза, утончённая и милая. Одета? Возможно, совсем просто, как служанка или скромница». Но неизменно в ответ получал только отрицание.

Где искать ту, что не желает, чтобы её нашли? Спустя три дня он знал верно одно: следы лиры Норе потерялись где-то между норными жилищами и ближайшим городом, стражи которого твёрдо ответили, что подходящая под его описание аммилиса в город не входила. Отныне в распоряжении Кейдена был только широкий тракт с немыслимым числом боковых съездов. Заброшенных и не очень. Ведущих к селениям аммилис, эльфов, людей, огров и давно упёршихся в пустые развалины, населённые лишь памятью о былом, да заросшие паутиной.

Кому, как ни ему — представителю величайшей торговой династии — знать, как велик их мир и как мала в этом мире юная, беззащитная серебристая аммилиса. Тоска по той, кого он никогда не видел, зная лишь по портрету в медальоне, но чей свободолюбивый характер успел узнать по коротким, но таким пылким письмам, задела Кейдена больше, чем он того желал.

Пришпорив коня, лир Сел решил вернуться к началу пути юной лиры, он думал, что Ветта не могла уйти от дома слишком далеко, так далеко, что след её затерялся. Аммилисы слишком преданны и верны для того, чтобы покидать насиженные места, слишком привязаны друг к другу родством и обычаями. Из-за этого их раса, редко появляющаяся где-либо ещё, кроме своих и приграничных земель, считается самой загадочной и скрытной. Оттого и боялся Кейден сейчас за Ветту, так некстати решившую сбежать и обещал сам себе: найти и вернуть домой беглянку.

Глава 4. Что ты сделала?

Чем дальше в лес, тем уютнее и красивее становились жилища эльфов. Тонкой работы ажурные веранды располагались прямо на деревьях, а к ним вели резные лестницы, по кругу опоясывая стволы многовековых сосен. Тяжёлый аромат пряных смол вынуждал Ветту сладко жмуриться: какое замечательное должно быть получится варенье из молодых шишек! А если их сохранить в ледовом погребе и добавить ещё ягод клюквы или брусники, что дозреют в конце лета, или медовые яблоки... Лира даже облизнулась от предвкушения. Идея поселиться в этих местах привлекала Ветту Норе всё больше. Осталось договориться о помощи и наладить поставки шишек, ягод, лесных цветов и дичи. О! Мысли наполнились от планов и идей. Лира Норе, погружённая в мечты, даже не заметила, когда Амрэль остановился и со всего маху ударила о его спину, вынудив того ойкнуть и обернуться.

— Лира... — нахмурился эльф.

— Ветта, не надо приставок, я не имею чинов и званий — неотъемлемой части всех высокородных имён, — зачастила Ветта, потирая ушибленный нос, но хвост предательски закрутился вокруг ног, а уши чуть прижались, выдавая её с головой. Эльф только хмыкнул. — Простите, я... Я задумалась.

— Дозволено ли мне узнать о чём? Всё же из-за этих раздумий ты столкнулась со мной, — по лукавым глазам Амрэля лира Норе видела, что долгоживущий забавляется, но всё же ответила:

— Аромат здешней смолы отличается от тех мест, где я жила раньше. Он гуще и слаще. Я думала о том, что получится прекрасное варенье из местных шишек.

— Варенье? — недоверчиво переспросил незнакомый голос рядом. — Из шишек? Милая, в своём ли ты уме?

Ветта смутилась и потупилась на миг, уши и хвост снова её выдали, выказав её чувства. Эльф, к которому привёл её мастер животных, казался старше недавнего знакомого, но сколько ему лет на самом деле лира даже представить не могла — лесной народ всегда выглядел довольно молодо, словно застывая в возрасте ста лет по меркам аммилисы и лет тридцати по человеческим меркам. Этот выглядел лет на десять старше Амрэля. Уши от любопытства дёрнулись вверх, ловя царящие в лесу звуки от стрёкота насекомых, шуршания перьев птиц, тихого топота зверей, голосов эльфов. Всё вместе казалось одной гармоничной мелодией, что настойчиво звала в ней затеряться. Лесные Хоромы, вероятно, были поистине удивительным и волшебным местом, если даже приграничный район так пестрел и сиял от вложенной в него магии, что ощущалась внутренним чутьём Ветты.

— Из шишек, — лира почувствовала, как от смущения обожгло румянцем щёки. — Оно считается целебным и весьма недурно на вкус. С осенними ягодами получается терпким и кисловатым, нужно только выдержать его правильно и вовремя залить патокой.

— Никогда не слышал о таком, — задумчиво проговорил Амрэль и пожал плечами: странные они эти аммилисы, и яро хранят свои секреты. — Что же, позволь представить мастера дерева Элеона. Он поможет со всем необходимым. Мастер металла живёт чуть дальше — у Сокрытых Предгорий. Я отправлю вестника, чтобы мастер сам посетил тебя. Скажи только куда.

— Здесь недалеко, — радостно улыбнулась провожатому Ветта. — Я нашла ветхую постройку, которую хотела бы восстановить и обосноваться там в качестве постоянного

жилья. И потом, когда смогу принимать гостей, с радостью изготовлю несколько бочонков варенья для вас. Я могла бы менять его на что-то нужное таверне в будущем...

— Подожди, не части, — прервал её Элеон, нахмутив густые чёрные брови над глазами цвета горячего шоколада. — Таверна? Случаем, не та таверна, что расположена отсюда в нескольких часах по пути к главному тракту?

— Да, — кивнула предположению эльфа Ветта. — Я обосновалась там несколько дней назад, привела в порядок насколько могла трапезную залу и пять комнат постояльцев. Там жила стая летучих мышей, мы договорились с ними, что пока они живут на чердаке, я убрала доски с чердачного окна, чтобы они могли влетать и вылетать, когда заблагорассудится. И...

— Что ты сделала? — Амрэль, казалось, был возмущён до глубины души. — Стая Аки уже несколько поколений живёт там. Не представляю, как они согласились на это!

Ветта улыбнулась, вспоминая недолгий, но яростный спор с ночными странниками, обосновавшимися на стропилах. Аки Второй и его стая согласились сразу после того, как лира Норе обещала им обжаренных насекомых в сочной пыльце раз в седмицу и мотыльков в патоке в каждый последний день месяца. Этого оказалось достаточно, чтобы летучие мыши ближайшим же вечером торжественно покинули трапезный зал и переселились на чердак, который Ветта предварительно очистила для них.

— Аки и его семья падки на сладости, но сами их делать не умеют. Договориться не составило труда, — победно улыбнулась лира, твёрдо взглянув в глаза мастеру животных.

— Вот как? — Амрэль с сомнением оглядел аммилису — воистину странный и непостижимый народ, если даже эта серебристая хитрюга сумела договориться с упрямыми ночными странниками и, кажется, уже перетянула на свою сторону Элеона, всерьёз рассматривающего свисающие с ближайшей сосновой ветки изумрудно-зелёные молодые шишки.

— Варенье, значит? Я бы попробовал, — с сомнением обронил мастер дерева, затем вздохнул: — Что ж, идём, посмотрим, что нам понадобится, чтобы восстановить таверну.

Амрэль снова недоверчиво взглянул на счастливо улыбающуюся аммилису, та чуть не хлопала в ладоши от радости.

— Я пойду с вами, — принял решение мастер животных. — Хочу убедиться, что стая Аки действительно согласна на такой обмен.

Глава 5. Проклятое место?

Хитрый Аки выторговал себе ещё и светлячков, что роились на дальней лесной поляне ежегодно перед бурей молний, пожаловавшись мастеру животных, что его стае пришлось самостоятельно убирать паутину и пыль с потолка. На возмущённый взгляд Ветты ночной странник и внимания не обратил, хотя сам вызвался помочь, видя, что лире просто не дотянуться туда и никакая составленная «пирамидкой» мебель не помогает, если с рождения ты в семье самая маленькая и даже до подмышки обычным аммилисам не достаёшь.

По смеющемуся взгляду Амрэля лире было понятно, что эльф давно в курсе характера главы стаи летучих мышей, он с любопытством наблюдал за спором ночного странника и новой хозяйки таверны.

Довольный писк Аки ознаменовал завершение спора о его неподобающем поведении и разорил лиру Ветту Норе ещё и на медовые шарики в обсыпке из пыльцы.

— Шантажист, — фыркнула Ветта, сдувая упавшую на лицо прядь, под смех обоих эльфов.

Но ночной странник её уже не слышал, скрывшись в подступающем к таверне сумраке, уводя свою стаю на ночную охоту. Если бы слышал, лира бы легко не отделалась — наверняка, просил бы извинений и очередных сладостей!

Зажжённые ею и эльфами световые шарики метнулись под потолок, освещая пространство трапезной залы, скептически осматриваемое Элеоном. Мастер дерева задумчиво расхаживал по помещениям, временами останавливаясь, придирчиво осматривая одному ему известные детали.

Тихонько насвистывая, Амрэль расположился на недовольно скрипнувшем подоконнике, убирая из рамы опасно торчащие осколки стёкол — не хватало ещё, чтобы кто-то поранился, особенно будет жаль хитрую аммилису. С её появлением у проклятой таверны словно вновь пробудилась душа, отзываясь на живой и озорной характер проказливой Ветты. Наблюдать так близко, без манер и церемоний, за представительницей загадочного народа оказалось неожиданно интересно, чем эльф беззастенчиво и пользовался. Совсем ещё молодая аммилиса, едва вошедшая в пору зрелости, даже не догадывалась насколько не умеет ещё владеть своими эмоциями, в отличие от старших своих братьев: хвост и уши лиры постоянно находились в движении, отзываясь на малейшие изменения в настроении. Серебристый мех то топорщился от возмущения, если она была с чем-то не согласна, то разглаживался, когда Ветте удавалось выполнить задуманное.

Забыв о стёклах, мастер животных тайком наблюдал, как аммилиса достаёт из шкафов старую посуду, разбирает узорные тарелки и чашки на те, которые ещё можно отмыть и использовать и те, что отправятся к мастеру глины для узорных вставок в его творения — Амрэль уже отправил синицу с просьбой того прибыть и захватить с собой мастера металла.

Того, что Ветта сочла мусором, оказалось не так много — одно эльфийское заклинание мигом превратило отброшенные лирой вещи в цветочные семена, что уже следующей весной украсят придорожные канавки. Сейчас же они должны отлежаться в тени и набраться сил для проращивания. Собрав их в холщовый мешочек, мастер животных завязал его и убрал в поясную сумку — отдаст их аммилисе, когда они созреют и будут готовы к выгонке.

— Всё не так плохо, как я предполагал, — Элеон наконец закончил осмотр внутренних помещений, не забыв посетить чердак, и теперь спускался по лестнице, довольно потирая

руки. — Большую часть древесины удастся сохранить, она повреждена незначительно. Будет достаточно нескольких укрепляющих заклиний и пары подпорок. Что касается окон, то восстановить стёкла получится только через две седмицы — нужно собрать и подготовить смолы, рассортировать их на те, что пойдут на первый этаж и будут прозрачными, и те, что сложатся в мозаику или будут затемняться по желанию постояльца в комнате.

— Это значит... — лира Ветта даже подпрыгнула от счастья и обернулась вокруг себя с радостным смехом. — Мне хватит денег, чтобы восстановить все помещения!

— Хватит на что угодно, — фыркнул в ответ мастер дерева. — Я не возьму с тебя денег по одной простой причине: проклятая таверна откликнулась на твоё появление, а значит, так было суждено, и мы все можем только помочь в восстановлении доброго имени этого места. Но не спеши радоваться, однажды наступит день, когда тебе придётся доказать, что ты сама достойна его. Пока же мы будем помогать и наблюдать.

— Проклятая? — Ветта недоверчиво оглядела сильно изменившуюся за эти дни трапезную залу: она словно светилась тёплым сиянием, или то были блики от световых шариков?

— Несколько столетий назад, сразу после смутных времён, таверна «Перекрёсток» была возведена на перепутье с одной целью: создать место, где любой из народов нашего мира найдёт тепло и внимание, где не будет споров и вражды, а древние распри забудутся сами по себе. Поначалу так и было, но тогда только отгремели последние стычки и все только учились ладить между собой. Это место, должное стать общей надеждой, оказалось не ко времени и пришло в упадок. Но, возможно, теперь настало время зажечь в окнах свечи и распахнуть двери. Я был бы рад этому.

— Когда-то не было мира? — недоверчиво переспросила эльфа Ветта, в голове не укладывалось, что кто-то специально хотел причинить зло другим. Ладно мелкие воришки, их воровство было оправдано — обкрадывая богатых торговцев, они помогали бедным трущобам выживать и каждый день иметь кусок ржаного хлеба и стакан тёплого молока. Этот негласный кодекс никто из них не нарушал: от богатых не убудет, а бедного не трогай — помоги ему.

— Да, Ветта, даже Амрэль, хотя ещё молод по меркам нашего народа, ребёнком застал те дни, когда народы враждовали друг с другом за территорию или из зависти.

— Как грустно, — вздохнула лира Норе, новым взглядом осматривая свои владения, и твёрдо для себя решила: таверна должна стать тем местом, о котором говорил Элеон!

Глава 6. Спасение утопающих

Арк Арнх не выносил долгие переезды, но такие заказы оплачивались более щедро, а в деньгах он сейчас нуждался. Старик с каждым разом всё тяжелее расставался с родными: боялся, что видит их в последний раз. С очередного путешествия может не вернуться он сам, или уже не застать старуху. Има Арнх всё реже сдерживала слёзы, но отпускала. Торговая жизнь всегда была полна рисков, а для огров, коих всегда недолго любили, и тем опаснее. Но его семье нужны были деньги, поэтому Арк грузил свою повозку старьёвщика редкими вещицами и откровенным хламом, снова отправляясь в путь до земель падких на безделушки людей, обожающих реликвии эльфов, восстанавливающих артефакты предков аммилис.

Дорога уныло стелилась впереди, изредка скрашивая пейзаж лесными опушками, что становились всё гуще и встречались всё чаще, чем дальше он отъезжал от Каменной Гряды, служившей домом его народу. Изгнанники давно смирились со своим положением — их праотцы хорошо потрудились, снискав себе славу негодяев и убийц. Хотя всё уже было в прошлом, и огры не одно столетие не совершали набегов, предпочитая возделывать каменистую почву, добывая себе там пропитание и занимаясь разведением овец, тень над их народом по-прежнему пугала остальных.

Норные жилища Арк миновал на пятую полную луну года. Стражи аммилис, как обычно, остановили его в нескольких шагах от Приграничья. Народная молва быстро собрала вокруг его повозки хранителей истории, уже к третьему дню опустошивших несколько маленьких сундуков для драгоценных камней и пару больших с тканями, что заметно отяжелило кошель огра. Распрощавшись добрыми друзьями и с заверениями об ожидании новой встречи, аммилисы отправились в свои земли, а Арк Арнх продолжил путь.

Старая Морта уже не так бодро везла телегу, временами оступаясь на камнях, которые не увидела из-за своей подслеповатости, но степная лошадка по-прежнему оставалась надёжной спутницей.

К вечеру огр уже клевал носом, раздумывая о месте, где можно устроиться на ночлег, но, как назло, на этом участке тракта двери для него были закрыты, а ставни захлопнутся сразу, стоит только подойти. Самый тяжёлый участок пути к человеческим землям Арк переносил всё тяжелее и всерьёз подумывал о том, чтобы перейти на короткие, но малооплачиваемые поездки. Как-нибудь прокормятся, много ли старикам надо? Ломоть хлеба, да чашу с похлёбкой. А ежели чего посущественнее захочется, так зелень и овощи всегда можно вырастить: их участок земли старый, как и они, удобренный навозом да землёй с плато в предгорьях. Урожай скуден, но более зрелый, чем на худой земле молодых, только заимевших свой угол.

Девичий испуганный крик где-то совсем рядом вынудил Арка Арнха встрепенуться. Даже Морта остановилась, прядая ушами и вглядываясь в сгущающуюся темноту. Практически обезлюдевший тракт ответил стрёкотом вечерних цикад. Крик повторился и прозвучал ещё отчаяннее, доносясь, как определил огр, со стороны небольшого болотца у старого съезда.

Кряхтя и подбадривая себя тем, что разыгравшийся артрит подлечат по возвращении целебные мази жёнушки, Арк с трудом спустился с телеги и, подсвечивая себе снятым с повозки фонарём с запёртым внутри световым шариком, который он выменял у аммилис ещё в том году, огр направился к болоту. Как он и ожидал, в трясине обнаружилась девушка, над

мутной жижей торчали только плечи и голова.

— Помогите, пожалуйста, — охрипшим от холода и долгого крика голоса пробормотала жертва коварных вод. — Я за осотом пришла, без него мне нельзя возвращаться — мельничиха накажет. А тут не удержалась на кочке. Помогите!

— Да помогу, помогу, — махнул рукой Арк. — Тише только. Мешаешь искать.

Закивав так яростно, что тут же провалилась в трясину до самого подбородка, человеческая девушка ойкнула и затихла до тех пор, пока огр не нашёл длинную палку.

— Медленно, как только можешь, попробуй вытащить хоть одну руку, чтобы зацепиться могла. Зовут-то тебя как?

— Эймера, — тут же отозвалась та, глотая слёзы.

— А я Арк, — пытаюсь отвлечь несчастную незатейливой беседой, огр перебрался на ближайшую к девушке кочку, вероятно с неё она и упала, и протянул палку.

С трудом высвободив из болотного плена руку, ослабевшая Эймера схватилась за протянутую Арком палку. Напрягшись из всех своих старческих сил, с огромным трудом огр вытащил девушку. Та вся тряслась и стучала зубами от холода и пережитого потрясения.

— Теперь тебя согреть надо и переодеть бы, — хмуро оглядел огр спасённую, осмотрелся в поисках возможного жилья, но на заброшенном боковом съезде такого отродясь не было.

Арк уже хотел было вернуться к аммилисам — может возьмут на себя заботу о пострадавшей? — как увидел вдаль, дальше по съезду свет. Он манил теплом и обещал отдых. Никогда там не светились окна, сколько уже старик мимо ездит, а тут судьба, видно.

Эймера с радостью приняла помощь огра и, опёршись на него, с трудом добралась до телеги. Укутанная в его одеяло, не переставая дрожать, она согласилась с доводами рискнуть и отправиться на танцующий вдаль огонёк — лучшего места они сейчас всё равно не найдут.

Казалось, даже Морта радостно затрусилась по дороге, подчиняясь повелениям хозяина, управляющего поводами. Уже в сгустившейся темноте телега остановилась возле ветхого строения, из которого доносились смех и звонкие голоса. Падающий на доску возле входа свет, будто подчёркивал название, гласившее с таблички «Перекрёсток».

Спустившись сам, Арк помог спуститься Эймере и с затаённой надеждой постучал в покосившуюся дверь.

— Хозяева, нам бы ночлег, да тёплый кров.

В ответ голоса удивлённо стихли, а буквально через миг открылась дверь, показывая уставшим путникам ветхое помещение, да находящихся в нём двух эльфов и серебристую аммилису.

— Конечно, — радостно отозвалась знатная лира, огр знал, что только у них бывает мех такой необычной расцветки. — Проходите скорее, мы вам поможем!

Глава 7. Первые постояльцы

О том, что постояльцы появятся так быстро, Ветта и помыслить не могла! Ещё столько всего не готово! Нет ни постельных принадлежностей, ни воды в комнатах, ни пищи. Еда, которую она захватила при побеге, ещё утром подошла к концу, пополнить запасы у эльфов она просто забыла от радости, что они согласились помочь. В животе предательски буркнуло, соглашаясь с её мыслями, лира только успела заметить, как стоящий рядом Амрэль демонстративно закатил глаза, прежде чем, извинившись перед незнакомцами, скрыться во тьме за дверь.

Как бы ни была ещё плоха ситуация в таверне, оставить на улице седого огра, покрытого морщинами прожитых лет, и продрогшую, всю в подсохшей тине, девушку, лира Норе просто не смогла.

— Прошу меня простить, мы только ещё думаем, как вернуть это место к жизни, но я найду что-нибудь, что позволит вам отдохнуть и привести себя в порядок. И лечебный отвар, думаю, вскоре будет готов. Моё имя — Ветта, и я хозяйка таверны.

— Арк, — представился старый огр, не показав и тени от удивления, хотя думал, что прямо тут и сядет на пол: знатная аммилиса в такой глуши, в разрушенной таверне, как хозяйка? — Её зовут Эймера.

— Элеон, — представился мастер дерева. — Мой спутник, который только что нас покинул, Амрэль.

— Я разогрею воду, — метнулась в помещение с единственным источником воды лира, по дороге поставив колченогие стулья возле покосившегося стола и убедившись, что путники присели отдохнуть.

Старая бочка, дыры в которой Ветта накануне заткнула ветошью и просмолила, как раз просохла, и вода по бамбуковой трубке хлынула в неё, подчиняясь хитрому механизму из трубочек и рычагов. Пара заклиний подогрели воду, мыльный порошок занял место на полочке рядом с бочкой, потрепанная временем мочалка — сойдёт пока и такая — устроилась рядом. Осмотрев дело своих рук, лира набрала воды для отвара, убедилась, что труба перекрыта, прежде чем вернулась к первым постояльцам. Человеческая девушка срочно нуждалась в тепле и заботе, хрупкий организм этого народа легко подвергался лихорадке от переохлаждения, а у Ветты сейчас были только простейшие исцеляющие сборы. Лучшие травы и цветы для этих целей созреют только летом. Лира мысленно поставила себе задачу заготовить их побольше, когда придёт время.

Вернувшись в трапезную, она обнаружила, что Элеон уже принёс сумку Ветты из облюбованной ею комнаты и бесстыдно подбирал Эймере чистую и сухую одежду. На возмущённый взгляд лиры Норе он только кивнул головой в сторону пострадавшей, как раз в этот момент громко чихнувшей. Насупившись и опустив хвост, Ветте ничего не осталось кроме как забрать панталончики, длинную рубаху, домашние брючки, протянутые ей эльфом, и проводить девушку к бочке с тёплой водой. Эймера сняла грязную одежду, смутившись от присутствия Ветты, но забралась внутрь бочки с некоторой опаской, словно редко видела такое комфортное место помывки. Лира достала припасённое для себя единственное уцелевшее от времени полотенце и повесила на крючок под полкой. Сбегая из дома о таких привычных мелочах, как мыльный порошок и полотенце, она просто не подумала! Как же было радостно найти здесь небольшие запасы первого и пусть одно, но

уцелевшее, второе.

— Если что-то понадобится, позови меня, — предупредила Ветта, прежде чем закрыть за собой дверь: человеческая девушка и без того была слишком смущена, не стоило стеснять её ещё больше.

К моменту возвращения лиры вернулся и Амрэль, достал одну из отобранных Веттой тарелок, куда принялся складывать разнообразные яйца, которые были собраны им прямо в выпущенную из брюк и подвёрнутую на манер корзины рубаху.

— Это всё болтуны, — пояснил эльф, закончив с яйцами, поправил одежду и достал из поясной сумки небольшую флягу. — Птенцы из них не вылупятся, а омлет получится неплохой. Олениха была щедра и поделилась молоком.

Выудив из разобранной Веттой посуды латку и забрав тарелку с яйцами, мастер животных ушёл на кухню, не позволив лире следовать за ним.

— Не советую мешать, — улыбнулся её расстроенной мине Элеон. — Амрэль действительно прекрасно готовит, но в это время его лучше не тревожить.

Вздыхнув, лира Норе заварила травы, поставила на стол тарелки и кружки, рядом положила столовые приборы. Она успела отмыть всего три набора, думала, что угостит эльфов чем-нибудь вкусным, когда добудет еду, а вот ведь как пригодились!

С кухни потянуло поистине божественным ароматом, вынудившим даже огра уважительно принюхаться. Проверив свою лошадь и разнуздав её на ночь, Арк терпеливо ждал своей очереди помыться, недоверчиво оглядывая аммилису — вот уж у кого интересная история. И как её сюда занесло? Но лира хранила молчание, лишь справилась о его нуждах. Заверив её, что старику нужно только поесть, да где-то бросить на ночь свои кости, огр решил не быть излишне любопытным — его народ и без того недолюбливали, вдруг и теперь выгонят, если он будет лезть куда не следует?

Когда чистые и довольные Арк и Эймера расположились за столом, Амрэль вынес ароматную латку из кухни и водрузил на стол. Сняв крышку, самолично разложил еду перед гостями, забрал со стойки третью тарелку и, наполнив её, протянул Ветте. Радостно-жёлтый омлет ещё слегка шипел от жара, посыпанный сверху душистой травкой.

— Даже на кухне слышно, как бурчит твой желудок, — съязвил мастер животных, добавляя к тарелке ложку, и радостно наблюдал, как аммилиса смущённо зарделась, по её взгляду можно было подумать, что она готова испепелить его на месте. Кажется, ему начинало нравиться подшучивать на ней...

Глава 8. Ох уж эти эльфы!

Устроив гостей на ночлег и проводив эльфов, Ветта ещё долго ворочалась в своей комнате. Она наконец-то лежала на кровати, починенной Элеоном, пусть без подушки, но всё же не на полу. Сон не шёл в тревоге, как же ей удастся быстро наладить быт, если вот только всё отмыла, а постояльцы уже тут как тут? Утром Амрэль обещал принести что-нибудь из припасов на первое время, а дальше нужно было решать.

В этих сомнениях, лира и уснула, проснувшись только на ранней заре, как и привыкла, чувствуя себя ещё больше разбитой, чем вчера вечером. Не помогло даже умывание. К её удивлению, на стойке уже ждали две корзины — мастер животных или совсем ранняя пташка, или не ложился! Бережно укрытые салфетками, они так и манили заглянуть внутрь. В одной Ветта нашла головку подкопчённого козьего сыра, несколько постных лепёшек, бурдюк с оленьим молоком, полоски сушёного мяса, несколько яиц-болтунов, фиолетовые бобы, зелёные травы для вкуса: тимьян, укроп и пажитник. С краю притулилась прозрачная бутылка с золотистой жидкостью — настоящее масло для жарки! Лира Норе даже взвизгнула от радости и благодарности за щедрость Амрэля и его соплеменников. А вот во второй корзине её ждали... шишки. Изумрудно-зелёные, крохотные, едва больше ногтя на пальце, и мягонькие, словно отобранные давним мастером, приготовившим не один бочонок варенья! Она и сама бы лучше не собрала. Видимо, этим она должна отплатить за всю принесённую снедь. Ветта улыбнулась: что ж, так тому и быть.

Наскоро отварив бобы и размочив мясо, чтобы Арку и Эймере легче было его съесть, сама Ветта доела вчерашний омлет, который даже холодным оказался неожиданно вкусным. Затем накрыла стол, сложив вместе две скатерти, прежде укрывавшие корзины с подарками от лесного народа. Сверху устроилась посуда и чан с бобами, поднос с мясом и сыром, тарелки и ложки заняли свои места в ожидании трапезы.

Огр спустился вниз первым, проведая свою лошадь пока лира таскала на стол завтрак, умылся и сел за стол, с интересом наблюдая за хозяйкой. Эльфов не было.

— Юная лира, — сдался перед натиском любопытства Арк Арнх. — Старая таверна — последнее место, где я ожидал встретить знатную аммилису. Дозволь узнать, как так вышло? Ты дала мне кров и сон в час нужды, и мой род обязан тебе услугой, возможно, я мог бы помочь тебе вернуться к твоему народу? Или доставить послание, в тайне, если так необходимо.

Ветта смутилась от доброты и искренней заботы, прозвучавшей в голосе старика. Обманывать его отчего-то совсем не хотелось.

Выслушав внимательно краткий и сбивчивый рассказ, огр только покивал в задумчивости. С одной стороны узы, связывающие мужчину и женщину, окрашивают жизнь новыми и солнечными красками. С другой — краски эти темнеют и делают жизнь несчастной, если нет в этих узах любви. А наречённого своего лира даже не видела.

— Что ж, дело молодое, как-нибудь всё наладится, — тепло улыбнулся огр, и Ветте на миг стало теплее, что удалось с кем-то поделиться своим несчастьем.

— А ты почему так поздно оказался на тракте?

Огр улыбнулся, на этот раз грустно, но раз знатная лира ему доверилась, старику и тем паче скрывать нечего.

— Я знаю, что делать! — воскликнула Ветта, когда Арк закончил свой рассказ. — Ты

бы хотел... перевезти жену сюда? И помогать мне немного, не больше, чем в ваших с ней силах! Вам не придётся больше разлучаться и беспокоиться о деньгах!

Замерев в ожидании, лира Норе не сводила с ошеломлённого огра своего взгляда — хоть бы согласился! За долгую свою поездку он получал от силы десятков серебрушек и считал их большими деньгами. Ветта могла платить ему больше, лишь бы помочь воссоединиться с семьёй и дожить свой век в покое.

— Лира слишком добра... — покачал головой Арк, мысленно прикидывая, как удивится жена, ведь ему больше не придётся уезжать. Дети уже встали на ноги и обзавелись своей землёй, живут молодой жизнью и редко навещают стариков. Огр не думал, что они или Има будут возражать.

— Я приеду через полнолуние, — заверил добрую лиру Арк Арнх. — Даю слово рода.

— Буду очень ждать, — Ветте прямо сейчас хотелось пуститься в пляс от его согласия, но Амрэль всё испортил, открыв дверь с громким скрипом:

— Так вот почему ты так далеко от дома, — улыбнулся мастер животных, протягивая Ветте внушительный букет из полевых цветов. — Вроде я видел здесь вчера вазу.

— Ты! — взвилась лира, распушив от возмущения хвост, прижав уши и отклонив от себя букет. — Разве тебя мама не учила, что подслушивать не хорошо?

— А тебя разве не учили, что сбегать из дома не хорошо? — парировал эльф с широкой ухмылкой, отправляясь на поиски нужного ему сосуда.

Почему-то при виде раздражённой аммилисы очень хотелось смеяться: лира словно вытянулась в струнку, околавывая себя по бокам распушившимся и ставшим в два раза толще хвостом, а уши стали почти не видны — так сильно она прижала их к голове. Маленькие кулачки, немногим больше детских, тоже не внушали уважения её позе. Так дуются маленькие дети, и всё, что можно сделать в этот момент: только сгрести в охапку и щекотать, пока злость не уляжется и не превратится в смех.

— Тебе говорили, что ты милая, когда злишься? — довольно насвистывая из-за своей проделки, Амрэль наконец нашёл ту вазу, что заметил вчера, и, наполнив её водой, поставил цветы.

Но в ответ лира только фыркнула, развернулась и, сославшись на то, что нужно проверить как там человеческая девушка, гордо ретировалась, чтобы избежать ещё большего падения в собственных глазах. Эльфа хотелось придушить, ну или отхлестать тем веником, который он притащил с собой. Нет, только придушить, цветы стало жалко. Среди них Ветта заметила васильки и календулу — из них получатся очень вкусные пирожные. Да, определённо, она сделает из его цветов пирожные. И точка!

Глава 9. Новая жизнь

Беспокойство Ветты оправдалось — Эймеру лихорадило, хоть она и выпила перед сном приготовленный для неё отвар. Слишком хрупкая девушка тряслась под пледом лиры, свернувшись в клубок, а на её лбу выступила испарина. Трав, что были у беглянки с собой, хватит только поддержать Эймеру, но не вылечить! Пришлось возвращаться к Амрэлю и просить ещё помощи. Долг перед эльфами стремительно рос — никакое варенье из шишек не спасёт!

Посетовав, что не смог уберечь человеческую девушку от болезни — та слишком долго пробыла в холодной болотной воде, — старый огр покинул таверну, чтобы вернуться домой, по пути продав, что осталось в телеге. А что не продаст, так сын продолжит дело, если пожелает, тогда смогут видеться.

Пока мастер животных отсутствовал, Ветта напоила больную ещё одной порцией поддерживающего отвара, мысленно прикидывая, когда можно будет приступить к сбору необходимых трав и есть ли они в этой лесисто-луговой местности. В холмах возле норных жилищ она знала все закутки с редкими травами. Или эльфы поделятся своими потайными местами сбора? Аммилисы не делились, предпочитая единоличничать в интересных для сбора угодьях.

Промокая оторванным от подола кусочком ткани горячий лоб человеческой девушки, лира Норе в очередной раз порадовалась, что до лета остались считанные дни — тёплые ночи даже с разбитыми окнами пережить легче, чем в суровую зиму морозы. Зимой Эймера просто погибла бы! Впрочем, зимой она бы не провалилась в болото.

— Ветта! — звонкий оклик с нижнего этажа заставил поспешить навстречу вернувшемуся Амрэлю, а с ним прибыли и мастера, которых лира ещё не видела.

Ещё старше Элеона возрастом, повидавшие всякого, они даже не обратили на Ветту особого внимания, сразу приступив к осмотру: один изучал черепки и уцелевшую посуду, другой принялся за механизм в комнатухе возле трапезной залы. Мастер металла назвал его «водяным насосом» и пояснил, что такой есть в каждом эльфийском доме, только не такого устаревшего вида. Пообещав вернуться с чертежами, бамбуком и металлическими стяжками, он уверял, что уже завтра сможет всё наладить.

К вечеру лира Норе обзавелась восстановленной мастером глины посудой, несколькими новыми чашами и кружками, которые он сотворил прямо здесь же из заготовок, что принёс с собой. Мастер по металлу перед уходом так же создал целый комплект столовых приборов и теперь у Ветты в арсенале были подлатанные и новенькие поварёшки, шумовки, половнички, несколько кастрюлек разной формы и пара изысканных подносов. К каждому прибору хотелось прикоснуться с восторгом: аммилисы совсем не так делали всё это, предпочитая обтачивать древесину под нужные им формы. Здесь же творилась настоящая магия природы! Предметы медленно, но послушно, принимали вид, который хотели видеть мастера, словно железняк и сухая глина были тягучими и подвижными, а не твёрдыми породами.

Пока Амрэль заботился об Эймере, прибегнув не только к отварам и согревающей мази, которые принёс с собой, но и к целебным песням своего народа, Ветта не уставала удивляться искусной работе мастеров. Они так же не взяли с неё денег, заверив, что помогут всем необходимым и будут рады, если лира однажды поделится с ними вареньем из шишек и парой легенд её загадочного народа. Лира Норе обещала, и мастера ушли довольные,

скрепив соглашение крепким рукопожатием.

В ожидании пока мастер животных освободится, Ветта решила разобрать два увесистых тюка, что эльфы принесли с собой, но так к ним и не прикоснулись в своей работе. Обнаружив две подушки с набивкой из птичьего пуха и такие же два одеяла, лира не знала радоваться или плакать: долг и признательность эльфийскому народу снова возросли. Она никогда с ними не расплатится! А денег они не берут.

Так и нашёл её Амрэль: сидящую прямо на полу, зарёванную, в растрёпанных чувствах и в обнимку с подушкой.

— Что-то случилось? — эльф обеспокоенно сел напротив, пытаясь поймать взгляд аммилисы, неожиданно такой грустной сейчас.

— Я не ожидала, что твой народ такой добрый! — в голос заревела Ветта, крепче прижав к груди подушку. — Я не смогу вернуть вам всю эту доброту в ответ!

— Думаю, если у тебя получится возродить таверну к жизни — это будет лучшим видом оплаты, — тепло улыбнулся Амрэль, потрепав всхлипывающую лиру между ушей, как нашкодившего кота, и заговорщицки прошептал: — Но ты всегда можешь пообещать каждому бочонок варенья, о нём уже шумит весь лес. Думаю, через пару дней тут всё будет уставлено корзинами с шишками.

— Но у меня всего один очаг! — в ужасе от услышанного ответила Ветта. — Я и за месяц столько не сварю!

— Значит, нам нужно ещё пару очагов и ученика, который будет тебе помогать? — придав своему лицу задумчивый вид, потёр подбородок эльф. — Стая Аки может чем-нибудь помочь? Или ты согласна на мою помощь?

— Амрэль, но ты и так мне столько помогаешь, что почти не появляешься в лесу! Я даже не уверена, что ты спишь! Ты поздно вечером здесь и рано утром тоже, и днём.

— Да, иногда я сплю, — широко улыбнулся мастер животных. — Не хотел оставлять тебя тут одну: заброшенный съезд, разрушенная таверна... Здесь, конечно, есть охранная магия, но, Ветта, ты из знатного рода, и даже если ты хочешь это скрыть, твой мех тебя выдает: такого оттенка нет у обычных аммилис. К тому же, недалеко человеческие земли.

— Я знаю, — вздохнула в ответ лира. — Но я так хочу начать всё сначала и не зависеть от всех этих условностей. Я не понимаю почему роду Норе и роду Сел нужен этот союз, он совершенно нелогичен при любом рассмотрении. Просто хочу быть счастливой и чувствовать себя дома.

— Тогда, думаю, что ты нашла самое правильное место из всех. Как насчёт того, чтобы просто довериться моему народу и не думать о долгах? Мы хотим, чтобы это место было живым, тут наши интересы совпадают, так почему бы не идти бок о бок по этому пути?

— Согласна, — Ветта улыбнулась, утирая мокрые от слёз щёки.

— Так что? Научишь варить варенье из шишек?

— Да, и можем сделать пирожные с васильками и сладкие шарики с календулой.

— Все аммилисы так странно питаются? — озадаченно протянул Амрэль. — Сладости из цветов?

— Пойдём, первая стадия подготовки шишек недолгая, можем успеть перед сном! — рассмеялась лира Норе и поднялась, откладывая постельные принадлежности в сторону. — И букет свой захвати!

Недоверчиво покачав головой, эльф последовал за аммилисой.

Глава 10. Аммилисы такие странные...

Когда-то давно, Амрэль тогда был ещё совсем ребёнком, он мечтал о том, чтобы у него была младшая сестра. Тогда он ещё не знал, что эльфы так малочисленны, потому что их дети рождаются раз в несколько столетий. Иногда в деревне воспитываются сразу несколько юнцов, как сейчас, а иногда бывает, что за тысячу лет нет ни одного младенца. Эльфы знают и видят все расцветы и закаты эпох, старейшие из них видели рождение этого мира, проснувшись в Источнике Создателей на заре творения. Тогда они были проводниками для остальных народов, а позже стали просто жить, как и их подопечные, просто знали и видели больше краткоживущих. Вот только аммилисы принявшие яро создавать и охранять свои традиции, так и остались для лесного народа непостижимой тайной.

Глядя на уснувшую за столом с зажатым в руке половничком Ветту, мастер животных улыбался: наверное, такой и была бы его сестра. Озорная, отзывчивая, хрупкая, готовая приютить даже огра. Скальные жители однажды принесли много бед, но Ветта, видимо, частенько прогуливала занятия по истории, если они у неё были, с такой лёгкостью пустив в свою жизнь целое семейство огров, не зная о них ничего.

Хуже огров были только крылатые жители небес, высокомерный и заносчивый народ, чьё название запретили упоминать, и оно оказалось погребённым на самом дне памяти поколений. Как и сам народ, развязавший Последнюю войну, и полностью истреблённый в ней. Небесные дворцы по-прежнему парили где-то в облаках, оставаясь заброшенными и безлюдными, миражами уцелевшего хрусталя заставляя замирать, всматриваясь в небо, сохраняя то, что осталось от проклятых. Лучшее место, куда никто не доберётся, чтобы вернуться память о них.

Тогда из-за проклятых аммилисы оказались народом на грани исчезновения. Загнанные в угол, разбросанные по всему миру до самых его краёв. Почти утратившие своё наследие и традиции, забывшие о церемониях на грани выживания, теперь они по крупицам восстанавливали всё то, что знали их предки, рьяно охраняя свои знания. Если бы не их плодовитость, когда в одной семье за раз могло родиться сразу трое щенят, так они называли своих детей, сейчас аммилис встретить было бы невозможно. Слишком хорошие и доверчивые тогда, такими же они остались и сейчас.

Амрэль видел душу старика-огра по его мудрым глазам и с лёгкостью оставил их наедине, но держался неподалёку на случай, если ошибся. А заслышав их разговор, не удержался от того, чтобы подойти поближе. Сбежать из-под венца в чужие земли! Если то, что он знал об этом народе правда, побег ей не простят и она навсегда останется безродной.

Глядя на спящую Ветту, Амрэль словно впервые видел её. Такую обычную и домашнему уютную представительницу таинственного народа. Может, и нет в них никакого секрета? Просто хотят, чтобы их не тревожили...

Сняв закипевшие второй раз в сладкой патоке шишки с очага, мастер животных поставил их на стол, сверился со звёздами о времени и осторожно отнёс так и не проснувшуюся аммилису в её постель. Подушки и одеяла он разнёс по комнатам пока стоя Аки деловито сновала из кухни к воде, чтобы вымыть шишки: им неожиданно понравилось это действие, играючи, ночные странники носились туда-сюда то наперегонки, то вынуждая Ветту быть судьёй, выбирая, кто пролетел красивее всех, то разбрызгивая водяные капли на дальность. Даже суровые летучие мыши неожиданно прониклись юной лирой, будто знали

её всю жизнь, хотя у Амрэля ушёл не один месяц, чтобы заручиться их дружбой.

— Наверное, таверна «Перекрёсток» ждала именно тебя с момента её закладки, только такая душа может удержать мир и преувеличить его, — поправив одеяло на спящей, эльф вернулся к варенью: инструкции были простыми и очень полными, лира не стремилась единолично владеть удивительным рецептом.

Спасённой на тракте человеческой девушке утром стало лучше. Она уже не кашляла так надрывно, разметавшись в забыты. Укутанная в плед и тёплое одеяло, Эймера лежала на кровати с трудом силясь открыть глаза, в них словно насыпали песка, а голова раскалывалась от боли до тех пор, пока снова не зазвучало странное пение, которое она слышала сквозь лихорадку. Словно она очутилась дома, а тёплые материнские руки баюкают её больную и дарят исцеление. С каждым пропетым словом становилось легче дышать, хотелось жить, устремившись к радости и счастью, но у сироты Эймеры давно не было этих желаний. Поэтому она всё трепетнее вслушивалась в напев, уже различая, что звонкий, будто хрустальный голос, с низкими нотками, принадлежит мужчине.

Постепенно воспоминания возвращались к ней: болото, в которое она провалилась, пытаясь добыть осот; огр, спасший её и доставивший в тепло и уют; удивительная аммилиса, такая светлая и серебристая, словно заблудившийся в тёмной воде солнечный луч; и эльфы... Мечта её детства — взглянуть хоть одним глазком. Гибкие, темноволосые, с мудрыми, но смеющимися глазами, особенно красив был тот, что помоложе.

С трудом открыв глаза, Эймера снова увидела его: тёмный, как штормовое море, синий взгляд, светлая, словно фарфоровая, кожа и лёгкая улыбка, затерявшаяся в уголках губ.

— Теперь ты пойдёшь на поправку, — прошептал лесной эльф, убирая с лица Эймеры непослушную прядку.

Глава 11. До края мира и обратно

Ли́ра Ветта Норе будто растворилась в воздухе, исчезнув в неизвестном направлении и не оставив ни следа, ни намёка, где её искать. Кейден искал ту, что была его наречённой, бросив все свои дела и заботы, оставив одну цель. Иногда он казался себе одержимым. В моменты, когда мерещилось, что вот рядом мелькнул серебристый мех её хвоста или такого же цвета волосы, он замирал: на портрете в медальоне пряди спускались до самой талии, прикрывая грудь, она мило улыбалась, широко распахнув глаза. Но то были лишь солнечные лучи, заблудившиеся в листве, или отблеск речных вод на прибрежных камнях. А Ветты не было.

Чем дальше он удалялся от норных жилищ, тем гостеприимней становились встречные. Слишком редко в дальних землях видели аммилис, все спешили хоть глазком взглянуть на ли́ра Кейдена Села, ему давали лучшие комнаты на постоянных дворах, готовили отменные продукты для трапезы, развлекали занятнейшими историями пока он вкушал свои блюда. Но никто и не слышал о серебристой аммилисе по имени Ветта Норе.

Он петлял по тропинкам и трактам, спускался с холмов и поднимался в горы, переезжал реки по мостам и штурмовал туманные переправы, сменив не одного коня на постоянных дворах, своего решив оставить на ближайших к дому пастбищах — слишком непривычен был тот к пересечённой местности, в какую забросили его поиски.

В конце третьей седмицы Кейден Сел дошёл до края мира. Покрытый яркими цветами луг упирался в радужное сияние, освещающее небо сочными переливами оттенков и днём, и ночью. Лишь Великий Водопад пересекал эту черту, свергая свои воды вниз с натужным гулом и плеском, чтобы позже они, обогнув мир снизу, вернулись в него дождями или снегами.

По древним легендам Кейден знал, что творцы считали их мир незавершённым, бросив, когда созданные ими народы схватились друг с другом за клочки лучших земель. Лишь со временем мир успокоился, а народы не стали смешиваться, утвердившись каждый в своих землях. В небесах жили проклятые, но теперь там была лишь тень их бывшего величия, манившая запретной тайной и недостижимая — летать мог лишь забытый народ. В скалах после войны осели огры, вытесненные из более пригодных земель за ошибки своего прошлого, смирившиеся с этим, и спокойно осваивающие неудобные владения. Холмы стали приютом для аммилис — норные жилища торчали над ними причудливыми башенками своих дымоходов и сверкали цветной мозаикой окон. Леса облюбовали эльфы, мудрейший и старейший из народов, охраняя природу и собирая знания в удивительных местах, вместивших в себя огромное количество свитков с легендами и хрониками — они называли эти места «библиотеками». Кейден мечтал однажды там побывать, возможно, обнаружится что-то, стёртое из их памяти в дни забвения и смуты. А в степях жили люди, укрывшись за каменными стенами и железными воротами, всегда готовые защищаться, будто на их и без того краткую жизнь кто-то, кроме их же соплеменников, желал покушаться. В их городах чаще вспыхивали стычки между собой, или они провоцировали другие народы, умудряясь даже эльфов вывести из себя, но в открытые столкновения, которые могли привести к сражению, никогда не вступали, хоть на это им хватало мудрости.

И вот ли́р Кейден Сел стоит у самого края, вглядываясь в переливы цвета на тёмном звёздном небе, скрывающемся за пологом, который отделил их от покинувших своё создание

творцов. Он не знал, что пригнало его сюда, просто думал, что, если Ветта хотела тишины и покоя, она могла бы добраться до самого края. Наверное, он даже желал обнаружить её здесь, одну, погружённую в покой и размышления. Но лира Ветта Норе оказалась более рискованной, чем он о ней думал — затерявшись, видимо, в более опасном месте, где-то на границе с людьми. Кейден гнал от себя эти мысли, в глубине души понимая, что только так она и могла поступить — это было в характере сбежавшей из дома аммилисы, рисковавшей всем, лишь бы избежать союза по расчёту, навязанного ей.

Спустя седмицу лир Сел покидал скалы, задержавшись лишь для смены коренастого некрупного коня — идеального для поездки по плато и горным тропам, — на более быстроходного рысака. Наблюдая, как взнуздывают длинноногую каурую лошадку, Кейден думал о том сколько времени потерял: нужно было сразу думать о том, что Ветта не просто знатная аммилиса, но и выросшая с интересом к домовый челяди и их быту. Да, она не отправилась в города в поиски развлечений, но и на крае мира подобной лире делать нечего. А он просто остолоп, раз не сразу это понял! Когда вернёт домой и завоюет её симпатию, то позволит ей жить собственными интересами и не будет давить, чтобы та стала примерной супругой сына влиятельного торговца. Эта жизнь не для её характера, а ломать свобододолюбивую аммилису лир не желал.

— Има, дорогая, тебе обязательно там понравится! — огр неподалёку уже несколько минут не переставал нахваливать что-то супруге, помогая ей складывать в телегу тюки с вещами. — Да, там ещё предстоит много работы, но хозяйка обещала, что не будет требовать от нас больше, чем мы можем, и я ей верю.

— Ох, Арк, — вздохнула Има. — Если бы всё это было правдой! В нашем с тобой возрасте затевать переезд, отправляясь в неизвестность... Чувствую себя девчонкой, что хочет рискнуть и обрести будущее, вот только в отличие от той, кем я была в молодости, горизонт моего будущего уже виден, а не теряется в туманной дали. Ты уверен, что этой лире можно доверять?

При упоминании статуса какой-то аммилисы Кейден насторожился, даже хвост нервно дёрнулся в сторону стариков-огров.

— Это очень милая лира, Има, даже имя её напоминает о густых лесах, что расположены рядом с таверной и дарят тень и густой смоляной запах, каким пропитана округа — Ветта.

Кейден вздрогнул, присмотревшись к паре, не обращающей на него никакого внимания. Ветта. Это имя могло быть только у неё — аммилисы никогда не повторяются, как люди или огры, называя своих новорожденных щенят. Неужели он скоро её увидит?

Глава 12. Тёмные души некоторых людей

— Прошу меня простить, но я больше не могу пользоваться гостеприимством светлой лиры, — человеческая девушка чуть не плакала, в страхе припав на колени. — И мне нечем отплатить за проявленную ко мне доброту.

— Эймера, ты ещё слишком слаба, чтобы куда-то идти, — попытался призвать к разуму Амрэль. — Нужен ещё день покоя.

Призвав на помощь Ветту, эльф уже битый час уговаривал больную вернуться в постель, но та в панике цеплялась своими мыслями за так и не собранный осот, за необходимость вернуться за ним и за то, что её ждёт по возвращении.

— Я должна была вернуться до утренней зари и сделать ещё много работы, — лила слёзы больная. — Мельничиха снова меня накажет за то, что я ничего не успела!

— Мельничиха? — лира Ветта наконец ухватилась за что-то связанное в потоке испуганных стенаний. — Ты у неё живёшь?

— Моя семья погибла, когда я была ещё маленькой, — всхлипнув в очередной раз, призналась Эймера. — А дед и баба не имели денег на моё содержание, продав работницей на мельницу в уплату семейного долга.

— Что? — яростно зарывав, Ветта подскочила к окну, пытаясь отдышаться: продать ребёнка! Да, люди действительно суровый и жестокий народ, так обращаться со своим потомством!

Если родители щенка аммилис погибали, сейчас такое случалось редко, но всё же бывало, то малыша воспитывал весь народ. Любое норное жилище становилось его домом и пристанищем, а повзрослев, юный аммилис мог выбрать постоянный дом, где ему больше нравилось бывать.

Мех лиры нервно вздыбился от прозвучавших слов, уши прядали, реагируя на каждый шорох. Нет, такому она не позволит случиться!

— Где находится мельница? — собственный хвост до боли хлестал лиру Норе по бокам, отказываясь успокаиваться от такой несправедливости.

— На северном тракте, у реки, — видя чудесную жительницу холмов в таком гневе, Эймера не посмела возражать, когда, выудив из своей сумы кошель с монетами, аммилиса выбежала прочь.

— Будь здесь, — вздохнул Амрэль, оставив девушку на попечение эльфийских мастеров, споро взявшихся за восстановление таверны, и последовал за названной сестрой.

Всплёскивая руками от негодования и бормоча себе под нос ругательства, от которых в высшем обществе уши бы прижались к голове, Ветта бежала в указанном направлении. Продать частицу своего рода, да как они вообще на такое решились? В мыслях лиры словно бушевал ураган, замешанный на гневе и жалости. Амрэль догнал её уже у главного тракта, днём полнившегося от повозок и торговцев. Цветастое платье Ветты и разноцветные ленты в волосах легко выделяли её из толпы, а к серебристому меху, сворачивая головы, во всю приглядывались возницы. Нахмурившись, эльф схватил аммилису под локоть и, лавируя между людьми, ловко вывел к северному тракту — мельница оказалась неподалёку.

Расположившись на берегу глубокой, но небольшой и быстрой речки, мельница черпала лопастями воду, заставляя крутиться жернова в своём нутре, намалывая ими зёрна, превращая в муку.

— Хозяйка! — рывкнула Ветта при подходе к двери, не в силах совладать со своим гневом, но спокойствие эльфа и то, что он был рядом, немного отрезвило лиру.

— Слушаю, господа добрые, — выглянула из пристроенного к мельнице кособокого домика женщина весьма пышных форм, деловито осмотрев вторгшихся к ней.

От опытного взгляда не ускользнуло ни новёхонькое, пусть и простого кроя, платье аммилисы, ни отлично пошитые рубаха и брюки эльфа. Богатеев мельничиха чуяла за версту, безошибочно определяя с кого можно содрать побольше монет или поторговаться.

— У тебя служит Эймера? — стараясь говорить равнодушно, спросила Ветта, дёрнувшись на предупредительный щипок от Амрэля.

— Что натворила эта безрукая? — женщина тут же поменялась в лице, осознав, что пришли не за мукой, и тут же принялась жаловаться: — С ней столько проблем, малютка осталась сироткой, и я приютила бедняжку, но она платит мне чёрной неблагодарностью! Вот давече послала за осотом, делов-то только до болот сходить, а её всё нет и нет. Я переживаю, где носит эту девчонку, а ну как принесёт мне в подоле подкидыша? Не потяну я лишний рот, и без того с бронзушки на бронзушку перебываемся!

Фыркнув, Амрэль окинул взглядом сытое и холёное лицо мельничихи, серебряные украшения на шее, в ушах и на пальцах, остывающий на окне каравай, пудовые мешки с мукой у дверей мельницы — определённо, бедствует! Но промолчал.

— Я бы хотела, чтобы девушка жила и работала у меня, — холодно произнесла лира Норе, ничуть не впечатлённая разыгранным перед ней спектаклем с подвываниями и заламыванием рук.

— Пять золотых чешуек! — тут же смекнула мельничиха, в глазах которой загорелся алчный огонёк. — Это её оставшийся долг, а ещё она жила у меня и питалась тем, что я готовила.

Вспомнив худенькую фигурку Эймеры, Амрэль очень усомнился в том, что человеческая девушка хоть иногда ела досыта.

— Сколько? — вместо этого уточнил эльф.

— Ещё три золотых, — не моргнув глазом ответила женщина. — И у неё была своя комната в пристройке к сараю. Значит, не три, а четыре золотых.

— Пишите доверенную, — снова щипнув готовую взорваться от негодования Ветту, озвучил эльф.

Пока мельничиха писала бумагу, Ветта отсчитала пятнадцать золотых чешуек и попросила дописать, что никакого права претендовать на свободу девушки впредь хозяйка мельницы не имеет.

Обратный путь до таверны аммилиса молчала, по-прежнему потрясённая произошедшим: человеческую девушку ей продали! Словно она была вещью! Хорошо, что Амрэль был в курсе подобного рода сделок и помог избежать ситуаций, из-за которых Эймере пришлось бы вернуться в это ужасное место.

— Когда вернёмся в таверну, ты можешь написать вольную Эймере и она сможет жить, как захочет, — осторожно произнёс Амрэль, наблюдая, что аммилиса медленно приходит в себя — её злость сдувалась так же моментально, как и возникла.

— Будь уверен — именно так я и поступлю, — заверила его Ветта, выполнив своё обещание сразу, как они пришли в таверну: Эймера рыдала от счастья, порываясь обнять то Ветту, то Амрэля, то спустившегося с чердака любопытного Аки.

Глава 13. Если взяться дружно

Как и надеялась Ветта, Эймера решила остаться в таверне. Было тому причиной нежелание сироты идти обратно к людям, или тому виной стал один лесной эльф, ловивший смущённые взгляды девушки и целующий при любом удобном моменте её ладошки, но две седмицы спустя «Перекрёсток» стало не узнать. Новые окна ловили солнечных зайчиков, отражая их вдаль, вынуждая даже путников с тракта вглядываться: что там на заброшенном съезде? Очищенная от вьюнов и дикого винограда древесина, была заново просмолена и покрыта защитными заклинаниями. Новенькая деревянная дверь бодрилась вензелями завитушек с лесными узорами. Выточенные на наличниках гроздя завились вокруг двери и окон.

Как и обещал Элеон, на первом этаже вставили прозрачные стёкла, теперь из них лился тёплый свет, наполнивший трапезную залу. Светящиеся шарики поместили в фонарики — удивительные конструкции из железа и стекла, вызвавшие у Ветты и Эймеры восхищённые вздохи, когда они увидели их первый раз. Ни одна из них не могла представить себе, что металлу можно принять пузато-округлую форму, увить стальными цветами и птицами, наполнить светом изнутри. И каждое окно таверны хранило теперь такой фонарик, будто сигнализирующий о том, что путник может зайти на огонёк, и ему здесь будут рады.

Кухонные шкафы и полки ломались от припасов, привезённых по договорённости с эльфами, опутанных сохраняющими свежесть заклинаниями. Новенькая посуда гордо сияла начищенными боками, будто упрашивая скорее поставить её на столы, пригласить гостей. Стойка, за которой Ветта попросила Элеона сделать ящички и шкафчики для вина и цветов, теперь властвовала в помещении, предлагая взгляду золотистые и бордовые бока пузатых бутылей с лучшими эльфийскими винами и цветочными настойками по рецептам аммилис, которые знала лира. А в ящичках Ветта Норе разместила соцветия собранных ею трав, которые Амрэль зачаровал от порчи, — будущие десерты.

Круглые столики, накрытые скатертями с вышитыми на них луговыми травами, приютили под собой стулья и табуреты. Легчайший, словно сплетённый из паутины, воздушный тюль укрыл собой окна изнутри. А по бамбуковым трубкам от самого колодца на заднем дворе в каждое помещение таверны устремилась вода, подчиняясь затейливым механизмам и рычажкам.

Каждая комнатка для постояльцев сияла уютом и домашним теплом: лоскутные тёплые одеяла укрыли собой просторные кровати, подушки стопочками по две-три штуки возвышались сверху. Зеркалам в комнатках для умывания и шкафам для вещей путников словно уже не терпелось скорее принять гостей. Цветные мозаики окон пускали по стенам крохотные радуги.

При помощи Элеона удалось разобрать небольшой завал под лестницей, которую так же привели в порядок, заделав прорехи, там обнаружили ещё три комнаты, судя по всему бывших хозяев таверны, поэтому лирой Норе было принято решение не нарушать традицию и, когда эльфы помогли привести их в порядок, одну заняла сама Ветта, в другой поселилась Эймера, а третья ждала Арка с женой. Лира посчитала это действительно удобным: своё крыло для них и нет путаницы с комнатами постояльцев. Амрэль же с шутливым взглядом в сторону Эймеры заметил, что окна очень удобно расположены в сторону леса, вынудив человеческую девушку снова смутиться, стрельнув на эльфа делано сердитым взглядом.

Взаимный интерес этой пары друг к другу заставлял и Ветту смущаться, ощущать себя лишней рядом с ними в такие моменты.

Бочонки с вареньем, которых за эти дни набралось несколько десятков, — шишки исправно поставляли из леса вместе с приходящими в таверну эльфами, — переправили лесному народу в знак благодарности и разместили на полочках рядом с вином. В конце лета эльфы, впечатлённые терпким и необычным вкусом, обещали привезти ещё и ягод, чтобы дополнить полюбившуюся им сладость новым оттенком. Теперь в каждом их доме на сохранении был свой небольшой запас молодых шишек: не слишком много, чтобы нарушить природный цикл, но и не слишком мало, чтобы обделит себя лакомством. И хотя Ветта поделилась с ними рецептом через Амрэля, эльфы желали варенья, приготовленного аммилисой, называя его «душевным».

Закончив приготовления, Ветта и Эймера довольно осмотрели дело своих рук: мыльные принадлежности, полотенца, шкатулочки с лёгкими закусками для тех, кто любит перекусить ночью, заняли свои места.

— Я так нервничаю, — порывисто вздохнула Ветта, в очередной раз смахивая несуществующую пыль со стойки.

— Ты столько вложила сил в это место, — Эймера робко ещё улыбнулась, отдавая очередную ложку ночному страннику — мыши разносили их, устраивая возле тарелок. — Что может пойти не так?

— Может никто не прийти, — сделал большие глаза Амрэль, подмигивая смутившейся девушке, и положил на стойку рядом с ней стопку салфеток, будто ненароком задев её руку с новой ложкой для ночного странника — Эймера тут же зарделась отворачиваясь.

— Эльфы сегодня так старались, возвращая съезду действующий вид, что это практически невозможно, — рассмеялся Элеон, как и Ветта, чувствуя себя немного неловко рядом с влюблёнными, придавая последние штрихи трапезной: послушные его заклинаниям, фантомные птицы заняли свои места на живых выюнах под потолком, заведя мелодичные трели. — Ты видел цветы вдоль дороги?

— Да, степные маки хорошо прижились, если всё будет удачно, то уже скоро зацветут, добавив оттенка виолам.

Ветта снова вздохнула. Она видела результат эльфийских трудов, наткнись она тогда на съезд в том виде, в каком он был сейчас — обязательно бы пришла в таверну, так заманчиво и уютно он выглядел, будто вёл домой. Или это место всё больше стало напоминать ей о доме? Собственном доме.

Глава 14. Новая роль аммилиса

Кейдену претил обман, но он понимал, что Ветта его и близко к себе не подпустит, если он заявится на порог в собственном облике. В письмах лира ясно дала понять, что устала объяснять, если её никто не слышит. Увидев своего наречённого, она точно не бросится радостно в его объятия, скорее будет сердиться, что он её искал. Как же завоевать её доверие? Появившись, как лир Кейден Сел, он рискует потерять Ветту, так и не узнав. Смириться с этим он не мог, пришлось поступиться принципами.

План созрел постепенно в неторопливом следовании за телегой огров. В одной из ближайших деревень лир Сел добыл необходимое: свободные брюки, рубаху на завязках в горловине, синие плащ и прикрывающую лицо шляпу. В музыкальной лавке нашлись алая маска барда и мастерски сделанный гуцынь, которым он владел в совершенстве. Легко перебрав восемь струн, лир наслаждался совершенным звучанием инструмента и купил его не раздумывая больше.

Когда огры свернули на приметный съезд, которого Кейден отчего-то не помнил, считая, что на этом месте должна была быть заброшенная дорога, лир скрылся в лесу, спешил, привязав коня. Мягкой лентой несильно примотав хвост к правой ноге, он переоделся, спрятав уши под шляпой. Маска нужна была только для выступления, одевать сейчас он её не стал, решив, что даже если Ветта и открыла присланный им медальон с портретом, то не узнает. Лир Сел сомневался, что она вглядывалась в его черты, запоминая каждую, и улыбалась, ожидая встречу, нет — это его удел.

Вернувшись на съезд, Кейден прищорил неприметную приземистую степную лошадку, которых очень любили разводить и использовать для пахоты и поездок люди, вскоре выехав к таверне, новенькая вывеска которой гордо гласила «Перекрёсток». У коновязи расположилась телега огров и мирно стояли несколько лошадок, уверенно намекая на то, что здесь уже есть постояльцы, ими занимался эльфийский мальчишка-конюх, но этот «мальчишка» вполне мог быть старше Кейдена — эльфы взрослели медленно. Оставив лошадку конюшему, поправив ремень гуцыня и плащ, Кейден забрал седельную сумку и вошёл в таверну.

Вкуснейшие ароматы ворвались в чувствительный нос сразу при входе, вынудив ещё сытый после завтрака на постоялом дворе желудок всё же издать совсем неромантичный звук.

— Доброго дня, сэр бард, — бодро приветствовал его девичий голос слева от стойки.

Миловидная, только очень худенькая, человеческая девушка с русыми косами, уложенными на голове на манер короны, в простом белом платье и переднике, протирала тарелочки, аккуратно укладывая их возле себя, а темноволосый эльф рядом раскладывал на них васильковые пирожные. Временами она бросала счастливые взгляды на своего помощника, а он был поглощён сладостями, но всё равно улыбался, словно чувствовал, когда она смотрит.

— Кейд... — поперхнулся на собственном имени лир Сел, чуть не выдав себя с головой. — Моё имя Кейд. Слышал, что таверна недавно открылась и вряд ли за столь короткое время вы обзавелись собственным музыкантом, был бы рад предложить свои услуги.

— Эймера, — девушка слегка кивнула, принимая его слова, и указала на эльфа. — Это

Амрэль. Хозяйка скоро освободится, и ты сможешь с ней поговорить.

Поклонившись, как принято у людей, лир Сел присел за столик у самого окна, осмотрел помещение, дышащее теплом и уютом домашней выпечки. Несколько гостей устроились за столиками трапезной залы, с аппетитом уплетая жаркое, запивая его лёгким и золотистым дневным вином.

— Желаете перекусить? — подошла к нему Эймера, заметив, что путник обустроился, расположив гуцынь и сумку возле стены, но не сняв ни плаща, ни шляпы.

— Что-то лёгкое, на твой вкус, — посоветовавшись с урчащим желудком всё же решился Кейден.

Распорядительница скрылась на кухне, а лир продолжил осмотр: всё в этом месте дышало теплом и добротой, которые словно пропитали воздух и сами стены. Призрачные птицы разливались на все лады, даря ощущение лесной опушки.

Тихие голоса троих эльфов-гостей, наклонившихся над какими-то чертежами, перекрыл звонкий голос, от него сердце затрепетало, будто забившая крыльями птица на одной из потолочных перекладин.

— Вот и всё, чего бы я хотела от вас двоих, Арк, — Ветта улыбалась огру, выходя вместе с ним из двери под лестницей, сейчас лира была ещё милее, чем на портрете: большие глаза, очаровательные ушки, пушистый хвост, а голос звучал будто лесной ручей. — Ты знаешь все торговые маршруты, думаю, тебе не сложно будет договориться о том, чтобы нам поставляли лучшие припасы, если будут трудности, то мы всегда можем договориться с эльфами в обмен на варенье.

Лира Норе звонко засмеялась, словно доброй шутке, известной только ей, но огр с улыбкой отозвался на неё.

— Има привыкла работать на земле, здесь благодатная почва, ждущая ухода за ней. Амрэль и его соплеменники уже насеяли цветов вдоль тракта и взрастили их, а на заднем дворе можно сделать небольшие посадки и самим обеспечивать себя приправами и простыми в уходе овощами.

— Да, Ветта, — старик радостно улыбнулся лире, чуть поклонившись. — Мы отдохнём с дороги, и потом я с удовольствием пообщаюсь со знакомыми из лесного народа.

— Доброго отдыха вам, — Ветта попрощалась с Арком Арнхом и вышла в трапезную залу одновременно с Эймерой, устремившейся к новому гостю с уставленным лёгкими закусками подносом, а после поспешившей к ней.

— Ветта, мужчина у окна, его зовут Кейд, он бард и хочет давать выступления у нас.

— О, чудесно! — воскликнула лира Норе, обняв ещё непривычную к бурному проявлению эмоций Эймеру. — У нас будет настоящая музыка!

Глава 15. Песня о долгом пути

Музыкант! Самый настоящий бард! Ветта не могла поверить своему счастью: не успели они открыться и заселить первых постояльцев-людей, заметивших по дороге домой удивительным образом преобразившийся боковой тракт и скромную табличку на временном столбике у дороги, а к ним уже пожаловал представитель качующих. Скрестив на удачу пальцы за спиной, Ветта Норе приблизилась к незнакомцу.

— День добрый, Эймера сказала, ты желал меня видеть? Мы можем разделить беседу за трапезой или я подойду позже?

— Я не буду против компании, — улыбнулся незнакомец, и лира села напротив.

Полукровка, решила про себя Ветта: серебристые волосы, как у знатных аммилис, заплетены в сложную косу, на манер эльфийской, белая кожа, но совершенно нет хвоста! А уши, если те и были торчком, то скрывались под шляпой. Но незнакомец был красив, тем спокойным видом красоты, когда черты лица, лучики в уголках губ и глаз говорят о мудрости и весёлом, лёгком характере.

— Ты хотел предложить свои услуги, — начала первой лира, поблагодарив Эймеру за спешно поднесённую ей кружку с тёплым мятным отваром и печенье.

— Да, — прожевав тёплый хлеб с томлёным сыром, ответил бард. — Я знаю легенду об этой таверне, и хотел убедиться воочию, что она снова открыта. Хотелось бы быть в числе тех, кто своими глазами будет видеть изменения мира.

— Кочующие знают много легенд, было бы интересно слышать их тут, — не стала лукавить Ветта, не желая, как любила поступать её матушка, набивать себе и таверне цену. — Думаю, здесь достаточно народа, чтобы оценить твоё мастерство, когда закончишь трапезу, после я приму решение. А пока ты можешь рассказать о себе.

Кейден чуть не подавился жареным помидором: о самом незначительном он и не подумал! Мало того, что едва не назвал своё настоящее имя, успев лишь сократить его до странного «Кейд», так ещё и о происхождение не придумал. Что он скажет? Ветта, я приехал за тобой? Но глядя сейчас на лиру Норе Кейден вдруг осознал, что она никогда не будет чувствовать себя живой в норных жилищах — ей было их мало, ей нужен был весь мир с его историями и народами. Знать их, понимать, видеть, слышать. Светло улыбающаяся ему аммилиса была совершенно не скована догмами и правилами своего народа, будучи свободной душой. Врать ей? Как? Аммилисы никогда не лгут. Ладно, за редким исключением, когда совсем крайний случай — это как раз он.

— Я родился в семье торговца, — осторожно подбирая слова, лир Сел сделал глоток освежающего земляничного сока из первых, ещё не налившихся на солнце сладостью, ягод. — Мы много путешествовали. В долгой дороге иногда нечем было заняться, поэтому учился игре на гуцынь, а пели в семье всегда много, поэтому я быстро всё освоил.

— И потом покинул семью? — с тенью лёгкой грусти уточнила у него Ветта, иногда она всё же скучала по дому, но хитрые и недалёкие родители, так сильно этим выделяющиеся на фоне остального народа, просто не оставили ей шанса. Ветта была уверена по тем деловым письмам, что приходили от наречённого, он бы и слова ей не дал сказать — потащил под венец и заставил жить так, как заведено порядками, ей казалось, что об этом говорили сухие доводы о необходимости их союза.

— Да, я покинул семью, — Кейден снова отпил сок, пытаясь скрыть за чашкой нервный

взгляд от собственной лжи, хотя, он ведь не лгал в полной мере, всего лишь не говорил всей правды. Когда-нибудь он сможет ей всё объяснить.

В глубине души лир Сел радовался, что хвост сейчас примотан к ноге и скрыт широкими брюками, иначе он бы выдал все чувства, что владели сейчас лиром — хвост уже ощутимо дёргался, вызывая щекотку пониже спины, но Кейден терпел, убеждая себя и хвост, что даст ему свободу, как только окажется в комнате.

Убедившись, что Кейд поел и остался сыт, Ветта хлопнула несколько раз в ладоши, привлекая к себе внимание людей и эльфов. Бард не заставил себя ждать, поклонившись гостям и подняв свой инструмент, он сел прямо на пол, положив гуцынь себе на колени. Тонкие пальцы, так непохожие на человеческие, когда дотронулись до струн, снова заставили Ветту подумать о смешанной крови в его жилах. Тихая мелодия полилась от этих прикосновений — бард словно гладил струны, рождая отдалённо знакомые звуки.

Когда Кейд запел, лира Норе замерла: простые слова своей безыскусностью проникали в самую душу, вынуждая вслушиваться в каждый звук. Она словно наяву видела окружённый высокими елями пруд, где сотни тысяч лет назад договорились встретиться влюблённые, но жизнь разлучила их и раскидала по разным краям мира. Годами они шли навстречу друг другу, несколько раз они разминулись, лишь на долю секунды опоздав, но всё же встретились в глубокой старости у своего пруда. Видевший их любовь лес, когда они были ещё детьми, встретивший их стариками, сохранившими тепло друг к другу в своих сердцах, он подарил им новую жизнь, превратив в цветы, что маленькими голубыми лепестками с той давней поры встречают солнце на дальней лесной поляне, а на ночь привечают светлячков, дарящих влюблённым надежду.

Последний куплет отзвучал под сводами таверны, молчали даже эльфы, потрясённые силой чувств, что бушует в сердцах тех, чья жизнь скоротечна и угасает, когда приходит время. Они редко слушали песни других народов, казавшиеся им незамысловатыми, но эта заставила пожалеть об упущенном.

Не сразу до Ветты дошло, что её глаза щиплет от слёз, мокрые дорожки заставили щёки покраснеть, а подбородок дрожать.

— Я буду рада, если ты будешь выступать здесь, — нарушила тишину лира Норе и, поднявшись из-за стола, вышла на улицу, подняв лицо к небу. Вечерний ветер остудил разгорячённую кожу, мурашки постепенно утихли, а слова ещё звучали внутри, заставляя тосковать о тех, что встретились так поздно, но сквозь года пронесли свою любовь. Будут ли и у неё однажды такие чувства?

Но ветер молчал, тихо шелестя травами, обнимая за плечи лёгкими порывами, играя с прядями серебристых волос, будто не хотел нарушать момент, что оседал в душе отзвучавшей мелодией.

Глава 16. Когда зажигают звёзды

Как не стремился Кейден пойти за ней, успокоить, но знал, что делать этого не должен. Бард исполняет легенду и покидает гостей — таково негласное правило. Тайком утирающая слёзы Эймера, проводила лира в комнату сразу рядом с лестницей, обычно в таких и живут музыканты, чтобы быстро спуститься и так же скоро исчезнуть, пока не отзвучали последние эмоции, вызванные его балладой. Он оставил Ветту одну сейчас, чтобы поговорить позже.

Легенда о крохотном цветке, растущем лишь у небольших лесных прудов, полюбилась ему давно. Возможно, то было совпадением, но в тот год, когда он её услышал, он получил первое письмо от лиры Норе. Его всегда подкупала её мудрость и ответственность, с какой горячностью она отстаивала свою точку зрения, в то же время какие-то обычные мелочи описывая как нечто удивительное. Так, что хотелось и самому попробовать найти первый весенний цветок, забравшись в старый грот неподалёку от её дома, он словно видел его её глазами — так живо и легко Ветта описывала чудо природы. С каждым письмом заставляя его чувствовать себя живым, замечать то, чего в спешке не видел раньше.

Освободив хвост, лир Сел чуть не свалился блаженным кулём на кровать: какое это было счастье — снова иметь пять конечностей! Но вместо этого решил полюбоваться ещё на ночной пейзаж за окном из цветной мозаики, о чём вскоре пожалел.

Элеон нашёл Ветту у коновязи, та делала вид, что проведывает лошадок, а сама всё не могла заставить себя вернуться. Эймера уже вполне освоилась и могла справляться без неё, а уж вдвоём с Амрэлем они и горы свернуть могли. Сердце лиры только радовалось о том, что человеческая девушка встретила свою судьбу. По тем взглядам, что бросала она на эльфа, когда тот не видит, легко читалась сильнейшая привязанность и неисчерпаемая нежность. Впрочем, мастер животных не отставал, ненавязчиво приучая Эймеру к себе, боясь испугать или проявить чрезмерное внимание. И это давало свои плоды: непривычная к ласке девушка постепенно раскрывалась, уже не шарахаясь от лиры Норе с её желанием обнять весь мир.

— Я возвращаюсь в лес, — мастер дерева встал рядом с лирой, заложив руки за спину, прервав её мысли. — Моя работа в таверне завершена. Мы проверили чертежи, всё сделано, как планировали. Заклинания обновлены и прослужат, возможно, пару поколений, если их иногда проверять — дольше.

— Ты больше не вернёшься? — Ветта вздрогнула. Она уже привыкла к мастеру дерева, который, как и Амрэль, был рядом с первых дней, став каким-то по-своему родным.

— Почему? — искренне изумился эльф. — Я с удовольствием буду бывать здесь, как друг, если ты этого хочешь.

— Хочу, — лира утёрла последние слёзы и радостно улыбнулась мастеру. — Тебе здесь будут рады в любое время. Ты, Амрэль, Эймера — самые замечательные друзья, какие у меня только были!

— Обнимешь? — хитро подмигнул Элеон.

Рассмеявшись в ответ, Ветта прильнула в раскрытые ей объятия. Хотелось, чтобы этот миг не заканчивался: рядом с этими эльфами она словно обрела дом и семью в том виде, какими они должны быть. Понимание, поддержка, возможность быть собой были так естественны, что Ветте иногда хотелось прокричать на весь мир, как же это здорово!

Чмокнув непоседу-аммилису между ушей, Элеон отстранился, задумчиво улыбаясь:

— Возможно, я придумаю что-то ещё, чего не хватает этой таверне. Как насчёт

маленькой оранжереи для цветов или небольшой библиотеки?

— Так и скажи, что ты ищешь повод не возвращаться в лес, — Ветта отпустила Элеона, поправив прядь. — Я обещаю подумать, что бы ещё хотела здесь видеть.

— А я принесу чертежи оранжереи через пару дней, посмотрим, где её лучше поставить, тогда не придётся искать редкие цветы в лесу, сможешь выращивать их у себя, а саженцами мой народ обеспечит.

— Элеон, вы уже столько сделали для меня, для таверны, я действительно не знаю, как отблагодарить за всё это...

— Если это делает тебя счастливой и возвращает к жизни «Перекрёсток», я готов помогать в любых начинаниях, — ещё раз улыбнувшись, мастер дерева попрощался и, напевая что-то бодрое, отправился домой в одиночестве. Амрэль впервые за последние дни не пошёл с ним, а остальные ушли немного раньше.

Ветта вернулась в трапезную залу, убедилась, что все постояльцы устроены, а на кухне прибрано, и отправилась к себе. Арк с супругой уже спали: из-за стенки был едва слышен храп огра — эльфы постарались и с тем, чтобы постояльцам не мешали звуки других жильцов. Умывшись и переодевшись в ночную рубашку, лира Норе блаженно растянулась в кровати. Самой настоящей, с милым балдахинном нежно розового оттенка, такими же подушками и одеялом.

Загадочный бард и его песня всё ещё заставляли, что-то дрожать внутри. Легенда была такой грустной, полной невыразимой горечи, но дарила надежду, что перед настоящей любовью даже обстоятельства бессильны. Ветта мечтала о таком чувстве. На миг она представила, если бы не сбежала и согласилась на союз с Кейденом Селом, какими могли бы быть их отношения? Аммилисы всегда так ответственно относились к заключаемым союзам и так трепетно к своим наречённым, что Ветте всё это казалось иногда похожей на добрую сказку. Но от своих родителей лира никогда не получала того, что видела в других семьях, может, поэтому она сомневалась, что чувства между ней и Кейденом возможны?

Она не знала, что наречённый совсем близко и мучается теми же мыслями. Увидев в окно, выходящее на коновязь, как Ветта обнимает эльфа, лир Сел почувствовал укол горечи: настолько естественно они смотрелись рядом, Ветта будто всегда была здесь. Милая, озорная, она могла бы обрести в этом эльфе твёрдую поддержку... А что может дать ей Кейден, кроме возвращения в норные жилища и статуса его супруги? Лир отпустил тюль, когда Ветта вернулась в таверну, и забрался под одеяло, сжавшись в клубок и обернувшись хвостом. Он обязательно придумает хоть что-то и не отдаст Ветту никакому эльфу!

Глава 17. Если эльф в тебя влюбился

— Мера, — стоило только всем скрыться в своих комнатах, приходиться в себя после пропетой легенды, эльф постучал в окно возлюбленной. — Идём.

Девушка не заставила себя ждать. Уже через мгновение щёлкнул замок на оконной раме, и Эймера храбро перелезла через подоконник, чтобы тут же быть пойманной в объятия. Она и мечтать не смела, что не только однажды встретит кого-то из прекраснейшего народа, но и окажется приглашённой им на свидание! Смущаясь, как мак цвет, Эймера с радостью приняла протянутую ей ладонь и последовала за Амрэлем. Кто бы мог подумать, что обмен краткими взглядами, случайные прикосновения, нежные поцелуи её ладошек, вдруг перерастут во что-то большее? Эймера простая смертная, бесприданница, выкупленная и получившая вольную от изумительной аммилисы, и вдруг гуляет в сгустившихся сумерках по ночному лесу. А рядом пляшут приманенные мастером животных светлячки, освещая лесную тропу. И Амрэль считает её настолько близкой, что на эльфийский манер сократил её имя до простого Мера, а себя просил называть Рэль, когда они наедине. Девушка никак не могла поверить в сбывшуюся мечту.

Трудясь от зари до зари на старой водяной мельнице, таская тяжёлые мешки, вращая малые жернова, когда течение было недостаточным, вспахивая землю старым плугом, забыв о детстве, покое и отдыхе, сейчас она ощущала себя принцессой из старой сказки. Будто всю жизнь Эймера жила подневольной злым чарам, и вот их разрушили...

— Поспешим, — смеялся рядом Амрэль, увлекая всё дальше в лес.

Рядом царила ночь, рассеиваемая лишь там, где проходили двое. Светлячки стремились вперёд, указывая дорогу в расступающемся лесу. Эймера потеряла счёт времени — за макушками дурманящих сосен не было видно звёзд, только уверенность идущего вперёд эльфа не давала испугаться темноте.

Когда девушка стала уставать, а дыхание сбилось, они вышли к лесному селению. Домики прекрасного народа будто сияли невидимым светом, льющимся из окон теплом от очагов и светящихся шаров, создавая невообразимый уют, окружая волшебством.

— Рэль, что мы тут делаем? — Эймера застыла на опушке, в восторге оглядывая окрестности.

— Хочу тебя познакомить с родителями, — подмигнул эльф, улыбнувшись придушенному писку, прозвучавшему от подруги. — Я знаю, что Ветта дала тебе вольную, но ты всё равно беззащитна перед своими соплеменниками.

Вместо ответа Эймера снова издала странный писк: медленно до неё доходил такой простой и в то же время сложный смысл предложения Амрэля. Знакомство с родителями, защита другого народа. Во все времена и у всех народов это означало только одно.

— Ты торопишься, — наконец осмелилась она ответить, отступая на полшага обратно.

— А ты слишком быстро живёшь, — парировал бессовестный эльф. — Я боюсь, что не смогу оказаться рядом, если что-то случится. Люди не упускают свою выгоду, твоя бывшая хозяйка скоро пересмотрит все варианты и, если не найдёт себе другую игрушку, может что-то выкинуть на твой счёт. Мне это не нравится, поэтому я тороплюсь.

— Но это же будет значить... — Эймера отступила ещё на полшага.

— Что ты и я всегда будем вместе, — Амрэль осторожно обнял всё ещё настороженную девушку. — Я всегда услышу тебя и найду, что бы не случилось.

— Амрэль... — мысли восторженными пичугами сбились в стаю, счастье и страх кружили в странном водовороте, вынуждая счастливо улыбаться и в то же время опасно обнимать в ответ.

— Мера, ты станешь моей супругой перед солнцем и звёздами?

— Да...

С нежным поцелуем, о каких она только читала когда-то давно в случайно оброненной торговцем книге, Амрэль прикасался к её губам, сводя на «нет» все доводы рассудка. Да! Она согласна! Она тысячу раз скажет «да»!

Много позже, испуганно устроившись в кресле у тёплого домашнего очага, Эймера похолодевшими ладошками приняла чашку с тёплым отваром из рук прекраснейшей эльфийки. Родители Амрэля, совсем не страшные, радостно улыбались ей и поздравляли их. Матушка, леди Мэлин, в красках описывала какой красивой будет лесная церемония, как будут кружить в воздухе лепестки белых роз, знаменуя новый союз их народа. А батюшка, лорд Сэрион, ласково поддерживал свою супругу, не забывая мило подшучивать над её нарастроченной нежностью и мечтах о дочери.

— Мера, милая, не стоит тревожиться, — леди Мэлин коснулась щеки Эймеры, и той почудилось, что она наконец обрела дом: таким теплом и заботой окружила её матушка Амрэля, присев рядом и обняв за плечи. — Я вижу, что ваши с сыном чувства ещё только зарождаются и не пустили глубокие корни в сердцах, но я так же вижу, что им суждено стать таковыми. Не переживай о времени и спешке, просто позволь стать твоей семьёй. Амрэль и ты поступаете правильно, а лесной народ всегда встанет на твою защиту и защиту Ветты.

— Мы и аммилису удочерим, если на то будет воля леса, — басовито засмеялся лорд Сэрион.

— Если бы Элеон не был женат, я бы сказал о том, что между ними возможно что-то большее, чем тёплые дружеские чувства, — мастер животных забрал со стола кружку со своим напитком, не сводя восхищённых глаз с робкой Эймеры, наконец расслабленно улыбнувшейся.

— Нет, милый, у Ветты своя судьба, так сказали ночные звёзды. Привести её в наш народ, значит, отрезать о того, что ей суждено.

Поговорив ещё немного с родителями, молодые наречённые отправились в обратный путь. Уже на первой заре Эймера вернулась в свою комнату и засыпала счастливой.

Глава 18. В ожидании

С каждым новым днём небо на востоке всё чаще приобретало на рассвете бурый цвет — близилось время праздника. Скоро, уже очень скоро всё заволочут тучи, семьи укроются по домам, накрыв столы богатыми яствами, восхваляя ушедших богов, подаривших им жизнь. И несколько дней на улицу не будет хода, но из окон откроется прекрасное и опасное зрелище — буря молний.

Ветта впервые ждала эти дни с таким нетерпением. Родители всегда относились к праздникам с пренебрежением, ведь они будут дома. Ни пиров, ни гостей, ни поездок. Только домашние стены, немногочисленные, проживающие в доме слуги, и больше никого. Матушку это выводило из себя, именно в такие моменты ей срочно оказывались нужны новые драгоценности или ткани на платья, но добыть их было невозможно. В итоге она изводила супруга и дочь своими стенаниями, оставляя неприятный осадок на несколько дней после окончания бури.

Сейчас всё было по-другому, и сердце замирало от предвкушения необыкновенного чуда. Радостно пританцовывая, Ветта выбралась из своей комнаты, направляясь на кухню — предстояло так много дел. Из окна своей комнаты она видела, что пожилая жена Арка уже вовсю полет траву, приготавливая место для будущих грядок и теплицы, которую обещал сделать Элеон, а ведь едва рассвело! Кажется, будет с кем попить травяные отвары на рассвете, — отметила про себя лира, улыбнувшись новому дню.

Постояльцы ещё спали, Эймера тоже ещё не выходила из своей комнаты. Кухня встретила сладчайшим ароматом свежей выпечки, что остывала на столе и крепко заваренными в чайнике травами. Има оказалась удивительно заботливой женщиной! Счастливо улыбнувшись, лира Норе позавтракала и принялась за готовку для постояльцев. Скоро они отправятся по домам, и в таверне останутся лишь те, кто готов назваться семьёй.

Когда Ветта вынимала из духовой жаровни поднос с запечённым мясом, дверь открылась, пропуская мечтательно жмурящуюся человеческую девушку. Улыбнувшись своим мыслям, та сонно устроилась за столом, потянувшись к выпечке, уже не спрашивая разрешения, как в первые дни. Запила откушенный кусок отваром, и наконец взглянула на лукаво поглядывающую в её сторону аммилису. Тут же покраснев от смущения, Эймера поправила воротничок платья и выпалила, не скрывая своего счастья:

— Амрэль предложил стать его наречённой!

— Он тебе нравится? — Ветта поставила на стол лукошко свежей земляники, принявшись общипывать с неё цветоножки и укладывая алые ягодки поверх раскатанного на доске теста.

Судя по приготовленным на столе продуктам, Има хотела сделать ягодный рулет, но отчего-то отложила его на позднее время, занявшись делами на улице, и Ветта продолжила её задумку.

— Я не знаю, как жила раньше без него... — снова зардевшись, прошептала Эймера, рассеянно помешивая отвар в кружке, чтобы быстрее остыл.

— Знаешь, когда в моём народе заключается союз, дом украшается лентами и бумажными фонариками, — Ветта улыбнулась растерянному выражению на лице замершей девушки. — Мы можем сделать в таверне так же для вас. Мне кажется, будет очень красиво.

— Ты правда можешь так сделать? — Эймера казалась такой счастливой, что лира Норе

рассмеялась, дёрнув ушами. — Ты можешь сделать так для нас?

— Могу и сделаю, — безапелляционно заявила Ветта, закончив с земляникой и принявшись сворачивать тесто в рулет, промазала его сверху яичным желтком и отправила в духовую жаровню. — Тем более, что скоро будет буря молний, а раз уж мы все здесь собрались, мы словно семья, и сделать для вас праздник — самое правильное из возможного.

Всхлипнув от нахлынувших чувств, Эймера бросилась к лире на шею, обняв и от души чмокнув в щеку. Ветта улыбнулась: кажется, человеческая девушка наконец-то освоилась, проявив себя и перенея манеру общения своей покровительницы.

Мысленно Эймера решила, что обязательно попросит аммилису проводить её до алтарной арки, как должна была бы отвести мать.

— Нужно успеть с завтраком, — решительно прервала свой же порыв девушка и принялась помогать на кухне.

Когда постояльцы по одному подтянулись в трапезную, их уже ждал утренний пир, вкуснейшим томлением осевший в желудках под лениво звучащие струны гуцынь. Кейден встал рано, успев с высоты ступеней увидеть серебристый хвост аммилисы, скрывающейся в кухне. После кивнул её помощнице, сонной мухой ползущей туда же и при том счастливо улыбающейся своим мыслям. Казалось, она его даже не заметила, поглощённая мечтами.

Тронув струны, лир Сел перебирал ноты, вспоминая давно забытые мелодии, задумчиво разглядывая инструмент и прислушиваясь к его звучанию. Музыка помогала думать и решение пришло само собой под тихие звуки аккордов. Ничто не мешало ему начать ухаживать за Веттой: она была его наречённой и в народе против никто ничего не скажет, а сама лира всегда в своих письмах была благосклонна в своих отзывах о смешанных парах. Кейден надеялся, что она не оттолкнёт его, если проявить такт и внимание, возможно, узнав его лучше, Ветта проникнется ответными чувствами и тогда он признается ей в своём обмане. Неприятная горечь этого слова кольнула лира, но он так хотел, чтобы она выслушала его, что должен был поступиться принципами. Убеждая себя подобным образом, лир перебирал струны, услаждая слух постояльцев и приводя в порядок мысли.

Близилась буря молний — лучшее время, чтобы начать сближение с лирой. Здесь будут только ставшие ей близкими существа, никто не станет отвлекать, и тот эльф вряд ли покинет свой лес в эти дни.

Глава 19. Цветочные сладости

Закончив с ягодным рулетом, Ветта поставила его остужаться и сняла передник, задумчиво постукивая себя пальчиком по нижней губе: чего-то не хватало. За завтрак лира не беспокоилась — Эймера уже виртуозно справлялась с тарелками и посетителями, ещё робко, но уже доброжелательно им улыбаясь. Ни к чему не обязывающие обрывки разговоров о погожих днях и планах на праздник, о стоимости зерна в этом году и новом магазинчике с лентами в близлежащей столице. Человеческая девушка ловкой рыбкой скользила между столиков, справлялась о самочувствии и добром сне, расставляла снедь и возвращалась на кухню.

— Арк планирует отправиться на рыночную площадь после обеда, кликуши уже будут отдавать свой товар дешевле, чем утром, — оповестила она лиру Норе в очередной раз появившись на кухне. — Справлялся есть ли особенные пожелания, что ему привезти оттуда.

— Рыночная площадь? — эхом отозвалась Ветта и ощущение, которое мучило её последнее время, тут же заявило о себе возникшей идеей. — Да, нам нужно на рыночную площадь! Эймера, нужны ленты и ткани, обязательно свечи и штопальный набор, и сладкий порошок для патоки. Я поеду с ним!

— Но, Ветта, там люди... — попыталась остановить подругу Эймера.

— Я буду с Арком, что плохого может случиться? Он знает столицу, да и какая из меня хозяйка «Перекрыстка», если я буду избегать какого-то из народов? Мы должны научиться доверять другим. Если настороженно относиться ко всему, то зло обязательно проявится, а тут должен царить мир, помнишь?

Эймера хотела возразить, но ей помешал Элеон, хлопнувший входной дверью и водрузивший на стол у окна внушительную корзину.

— Простите, слышал, — широко улыбнулся эльф, вынимая маленькие берестяные короба из своей поклажи. — И согласен с Эймерой, поэтому отправлюсь с вами.

— Элеон, это просто человеческий город, — возмутилась Ветта, сцапав один из коробов и открыв крышку: перечная мята острым запахом защекотала нос. Эльфы снова безвозмездно пополняли её запасы необходимыми вещами.

— Это самый большой человеческий город, — назидательно произнёс Элеон, протягивая лире короб больше остальных размером. — Там всякое может случиться.

Недоверчиво принявшись к тонкому аромату, Ветта отставила мяту и забрала из рук эльфа настоящее сокровище. Под крышкой прятались редчайшие лепестки белых роз, росших в единственном месте во всём их мире — эльфийском лесу, неподалёку от лесного святилища. Взвизгнув от восторга, лира Норе втянула носом тончайший аромат, хищно огляделась в поисках остатков патоки и, оставив Элеона с Эймерой дружески подтрунивать над ней, принялась за приготовление редкой сладости: сладких лепестков.

На нежнейший аромат вскоре подтянулась вся стая Аки, рассевшись на перекладине, которую сделал специально для них Амрэль. Летучие мыши оказались незаменимыми помощниками в таверне: протирали пыль там, где не могли дотянуться Эймера и Ветта, носили столовые приборы в трапезную, следили, чтобы в комнатах не было насекомых. Брюшки крылатых помощников уже заметно округлились от тех вкусностей, которыми баловала их Ветта, как и обещала, но это не мешало им выпрашивать сладости вне очереди. Вот и сейчас они ждали, когда закончится приготовление. Лепестки на шумовке опускались

в кипящую патоку, чтобы та только прихватила их, и раскладывались на хлопковом полотенце, избавляющем от излишков сиропа. Остатки сладкого порошка украшали готовую сладость уже на тарелке для подачи.

Закупорив короб с цветочным сокровищем, Ветта поставила его на отдельную полку, где хранились самые редкие и ценные приправы. Тесто, приготовленное Имой для ещё одного рулета было бодро раскатано, кружкой лира прорезала в нём кружочки, украсила их сладкими лепестками и отправила в духовую жаровню.

Аромат с кухни проник даже в трапезную залу, вынуждая собирающихся покидать таверну постояльцев жадно принимать, перешёптываться, медленнее собирать свои вещи.

Элеон и Эймера давно притихли и затаили дыхание: смотреть за тем, как Ветта готовит было словно наблюдать за таинством или волшебством. Лира Норе будто танцевала, подхватывая тарелочки, смешивая известные ей ингредиенты, наполняя кухню казалось свойственной всем аммилисам магией, или такая была только у неё? Возможно, так влияла на неё таверна или Ветта сама заставляла «Перекрёсток» оживать. Но сейчас Элеон окончательно понял: таверна и аммилиса были словно созданы друг для друга.

— Всё, — довольно улыбнувшись, лира извлекла из жаровни поднявшееся печенье, пухлыми медальончиками украсившее противень, лепестки в патоке зарумянились и даже на вид стали хрустящими.

Хватило на всех. Даже в стае Аки никто не остался без румяного сладкого медальона, а Има, вернувшаяся в кухню на аромат, протянувшийся и на задний двор, долго противилась отпустить аммилису в город людей — настолько он казался ей опасным, и аммилиса была для него слишком нежной, слишком волшебной. Но если Ветта Норе чем-то была взволнована, остановить её было уже невозможно — в этот день это поняли все.

После обеда Арк запряг старушку Мортю, помог Ветте устроиться на облучке, Элеон сел рядом так, чтобы аммилиса оказалась между ним и старым огром, и лошадка затрусилась по давно ей знакомой дороге.

Глава 20. Несправедливость

На тракте повозку провожали любопытные взгляды. Ещё бы! Эльф, аммилиса и огр путешествуют вместе! Если бы огр и эльф были вместе — это ещё могли понять, мало ли кого подвозит старый торговец. Но аммилиса? Знатная, без сопровождения кого-то из своего народа, с переливающимся на солнце серебристым мехом и яркими лентами в волосах, словно простушка. Такое было в новинку на тракте, кому-то вспомнился встревоженный всадник с таким же серебристым мехом на ушах и хвосте, тихие шепотки наполнили тракт стоило только повозке затеряться вдали.

Стража на городских воротах проводила торговую повозку с таким же недоумением, что преследовало путников всю дорогу. Элеон настороженно вслушивался в тихие разговоры за их спинами, и тревога всё больше росла в душе эльфа. Отпустив огра с его списком дел и десятком золотых монет, эльф подхватил аммилису под руку направляясь в сторону нужных ей торговых лавок: уж лучше пусть о них думают вольности, чем ототрут друг от друга в толпе.

Ветта же совершенно не обратила на это внимания, продолжая восторженно вертеть головой по сторонам, она ещё никогда не была в столице, так разительно отличавшейся от норных жилищ. Аккуратные двух и трёхэтажные домики пестрели вывесками и объявлениями. На первых этажах располагались лавки пекарей и ткачей, знахарей и музыкантов, мясников и травников, сыроделов и художников. Выше были жилые комнаты, подмигивающие любопытной лире цветастыми занавесями из окон. Столы перед лавками ломились от образцов товара, любой можно было попробовать и уже после решить покупать или нет, но толстые мухи, кружившие над нарезками, отбивали всё на то желание. А вот полосатые пчёлы возле баночек с мёдом радовали глаз, будто любительницы сладкого ручались за товар пасечника.

Ветта быстро выбрала лёгкие ткани, которые украсят таверну на оба праздника, чуть дольше выбирала те, из которых сошьют и доставят несколько комплектов постельных принадлежностей и полотенец, надолго застряла возле стойки с разномастными лентами и ленточками так милыми её сердцу. Штопальные наборы оказались в наличии здесь же. Лира Норе отобрала те, что пригодятся в ежедневной починке и пару комплектов, что понадобятся, если быстро добраться до ткача возможности не будет. Иногда зимы были такими снежными, что аммилисы подолгу не покидали своих жилищ, чтобы сходить к соседям, а тут — добраться до другого города! Нет, запас нужно иметь и свой.

Серебрушки и медяки оседали в кошельках лавочников пока лира взвешивала, что ещё могла упустить и без чего им точно не обойтись. Её и Эймеры мерки, снятые ещё в таверне, остались у швеи, по подготовленным лекалам та сошьёт несколько нарядных и домашних платьев, пару передников и перчаток для горячего. В кожаной после бури можно будет забрать пояски и ботинки.

Ветта довольно вздохнула, оказавшись вместе с Элеоном на улице после душного воздуха, пропитанного неприятным запахом дубильни. После кожаной лавки воздух столицы казался сладким и приятным.

Близящиеся сумерки вынудили обоих поспешить к месту встречи с огром. Арк, вероятно уже наполнил повозку необходимыми припасами. Ветта уже мечтала, как заберётся на облучок и отщипнёт несколько кусочков от сырной головки или сделает запас томатов на

несколько шгук меньше — желудок урчал в такт её мыслям пока голос из толпы не заставил сжаться:

— Вот, эта аммилиса, господин стражник, она даже не таится, ходит как ни в чём ни бывало! На ловца и зверь бежит! — противный голос мельничихи не узнать было невозможно. — Схватите её, она обманом похитила мою подопечную, запудрила мозги бедной девочке, так что я теперь и не знаю, где та сгинула. Может, она её в публичный дом сдала!

— Это аммилиса, — устало ответил возмутительнице мужской голос. — Они подобным не занимаются.

Обернувшись Элеон и Ветта наблюдали как к ним приближается седой стражник в форме офицера, а рядом семенит бывшая хозяйка Эймеры, лебезиво заглядывая в глаза хранителю порядка.

— Добрый вечер, лира, милорд, капитан Офир, — представился стражник, приложив ладонь к груди и склонив голову в знак почтения. — Прошу простить, что нарушаю ваш покой, но эта леди утверждает, вы должны ей денег и похитили её воспитанницу. По закону я должен проводить вас в комиссариат, чтобы выяснить на чьей стороне правда.

— Но это не так! — воскликнула Ветта, она уже и думать забыла про мельничиху, поглощённая новой жизнью и новообретённой семьёй.

Расстроенный взгляд, которым лира оглядела свою обидчицу, не ускользнул от внимания капитана Офира. Аммилиса словно не ожидала этого обвинения. Её спутник же наоборот смотрел с возмущением и неодобрением.

— Ничуть не сомневаюсь в вашей добропорядочности, но правила есть правила, — развёл руками стражник, вызвав у мельничихи недовольную гримасу, та ожидала совсем другого. — Прошу пройти со мной.

— Нам лучше пойти, Ветта, — сухо процедил Элеон, махнув рукой, предлагая капитану показывать путь.

— Н-но, это не правда! П-почему? — Ветта чуть не плакала от несправедливости обвинения, но последовала вместе с эльфом за людьми, молча повиновавшись едва ощутимому щипку от Элеона.

Человеческие земли были действительно странными и жестокими, разве можно просто так обвинить кого-то? Да ещё и заведомо солгав!

Глава 21. Я тебя знаю

Кейден покинул таверну сразу после завтрака, переодевшись в кустарнике поближе к Главному тракту, спрятав одежду в заплечную сумку, и отправившись в город на поиски подарка для Ветты, а заодно посмотреть какие-нибудь милые мелочи для остальных, коли уж будут встречать бурю вместе. Батюшка, конечно, расстроится, что сына не будет за праздничным столом, но лир Сел-младший надеялся, что старшие отнесутся с пониманием.

Знакомые лавки и лавочки встречали его обилием выбора, но лир никак не мог найти что-то особенное, уникальное, чего больше ни у кого нет. Торговцы, много лет знавшие его семью, учтиво открывали свои закрома, но предложить то, что искал Кейден, не могли, разочарованно разводя руками, сожалея, что не смогли помочь.

Близилось время возвращения в таверну к вечернему выступлению, а лир Сел так и не нашёл самый главный подарок. Из задумчивости его вывел окрик какой-то женщины, обвинявшей аммилису в преступлении. Обернувшись на звук, лир чуть не споткнулся: его Ветта испуганно прижалась к боку Элеона, держащего её под руку, а напротив них стоят стражник и женщина, посмеывая обвинить представительницу его народа, словно не знала, что это бесполезно — не в их природе нарушать закон.

Стараясь быть незаметным Кейден последовал за ними, внутренне закипая от фамильярности эльфа — неужели между ними действительно есть чувства? Слишком вольно Элеон ведёт себя с Веттой!

Капитан стражи дошёл до комиссариата, пропустил внутрь своих спутников, когда Кейден вошёл внутрь они уже успели скрыться за одной из дверей. На знатного аммилиса никто не обратил внимания — по пустякам такие не приходят. Лир Сел встал у стены за дверью: когда та откроется, то надёжно скроет его от глаз выходящих, а слышать, что происходит внутри, вполне удобно, если не будут сильно шуметь окружающие.

Рассказ лиры Норе, прерываемый возмущёнными возгласами обвинительницы, всё же был убедительней, и капитан Офир просто пообещал посетить таверну на днях, чтобы убедиться в существовании записки с отступными, которую вытребовал у мельничихи Амрэль, словно чувствовал такой исход. Разгневанная женщина выскочила из кабинета, чуть не пришибив успевшего отскочить в сторону аммилиса, следом вышел эльф, со спокойной душой оставив Ветту с Офиром, оказавшимся мудрым и знающим человеком — записать показания, подписать отсутствие претензий, заверить, что будет осмотрительнее.

— Плохо прячешься, — хмыкнул Элеон, прикрывая дверь, и разглядывая Кейдена, пытающегося делать вид, что он тут совсем по другому вопросу. — Я тебя ещё на улице заметил.

— Не понимаю о чём ты, — пожал плечами Кейден, разглядывая доску с заметками, пестревшую объявлениями о пропаже и вознаграждении.

— Одежания барда меняют внешность, но душа остаётся прежней, — хмыкнул эльф, подоброму хлопнув аммилиса по плечу. — Тебе дорога Ветта, так ведь?

— Как и тебе, полагаю, — огрызнулся лир Сел, хмуро глянув на собеседника, который в ответ неожиданно расхохотался.

— Ты ещё слишком молод и глуп, — Кейден всегда поражался тому, как выглядят эльфы: вроде перед тобой юнец едва ли старше тебя, но смотрит на тебя отеческим взглядом полным мудрости многих прожитых столетий. — Для любого из эльфов Ветта всегда будет

словно младшая сестра, которую хочется защитить, маленькая аммилиса в огромном незнакомом мире. Одно ты сделал правильно, решив втайне приглядывать за ней, но обманывать ту, что тебе дорога — последнее дело. Я бы не затягивал с этой игрой в барда, хотя решать тебе. Восстановить доверие сложнее чем разрушить, а ты уже начал с обмана.

— Она не станет слушать, — Кейден поправил ворот своей рубахи, виновато пожав плечами.

— Будто ты пробовал, — фыркнул в ответ эльф.

Элеон покачал головой в ответ на растерянный взгляд аммилиса немногим старше Ветты по возрасту. Кажется, однажды придётся замолвить пару словечек за этого нерешительного юнца.

— Ветта — не такая, как все аммилисы, она всегда была особенной, — лир Сел задумчиво провёл пальцем по стене, неожиданно для себя доверившись Элеону. — Она моя наречённая, но совершенно не хочет ею быть, хотя никогда не видела меня, и мы общались только в письмах... Ветта сразу дала понять, что неприемлет этот союз, а я уже не представляю своей жизни без неё.

Элеон снова покачал головой, сложил руки на груди, прислонившись спиной к стене, Ветта в кабинете всё шуршала какими-то бумагами — чуткий слух эльфа следил, когда она соберётся уходить. Аммилисы всегда казались ему странным и загадочным народом, и вот уже второй их представитель открывает ему свою душу.

— Возможно, она ждала от тебя какого-то поступка, а не просто сухих писем? То, что я уже о ней знаю, говорит о живом характере, непоседливости, доброжелательности. Ветте нужен кто-то больший, чем друг по переписке. Вопрос в том готов ли ты остаться с ней в любой ситуации. В таверне она ожила, с момента нашей первой встречи лира раскрылась словно цветок на лесной поляне в первых солнечных лучах. Сможешь ли ты сохранить и преумножить это цветение?

— Я знаю только то, что хочу быть с ней и никогда не попрошу вернуться назад. Ты прав, её место в таверне, а не в норных жилищах.

Эльф кивнул в ответ на твёрдый взгляд серебристого аммилиса.

— Тогда ступай, Ветта скоро выйдет, вряд ли сейчас то время, когда стоит открыть твою личность.

— Ты... — Кейден настороженно посмотрел на Элеона. — Не выдашь меня?

— Выдам, если сочту, что ты слишком затягиваешь, — широко улыбнулся собеседник в ответ на озадаченный взгляд аммилиса. — Ветта действительно удивительная, так что тебе придётся доказать, что ты её достоин. И прежде всего самому себе.

Кейден покидал комиссариат в смешанных чувствах, всё шло совсем не так, как он планировал, лишь сильнее затягивая его в паутину обмана. Узнать, что хоть кто-то знает правду оказалось неожиданным облегчением, но эльф прав: нельзя затягивать, он и так уже достаточно приглядывался к ней и к таверне, чтобы понять, где её место и... он хотел бы назвать это место и своим домом. Таверна возвращала мир в его мятущуюся душу. И сейчас Кейден понял, что попросит остаться там, даже если Ветта окончательно откажется от союза с ним.

Глава 22. В омут с головой

По возвращении в таверну Ветта постаралась отвлечься от грустных мыслей, сразу погрузившись в заботы о новых постояльцах и ничего не значащие разговоры. Элеон не стал тревожить друзей рассказом о встрече на рыночной площади, только поторопил Амрэля с церемонией.

Вернувшийся немногим раньше Кейд перебирал струны своего инструмента, по словам Эймеры и Амрэля бард был чем-то очень расстроен. Возможно поэтому его музыка сегодня звучала так надрывно. Легенда, которую он пел, уносила в те далёкие времена, когда одним народом в их мире было больше. Проклятые были забыты, но некоторые легенды ещё жили в памяти поколений, из тех времён, когда разноцветные крылья вспарывали воздух в небесных владениях без угрозы земным царствам.

Полная горечи песня плыла под сводами таверны, вынуждая Ветту и Эймеру тихонько вздыхать, постояльцы иногда сжимали в кулаках салфетки, отрываясь от ужина — так печальна была эта история.

Давным-давно в небесах парила единственная проклятая, чьи тёмные крылья в цвете и сиянии могли поспорить с рубинами. Та, которая была предана ещё при рождении, оставленная и покинутая своими родными, понукаемая и презираемая остальным народом. Она любила летать и ненавидела битвы, она посмела полюбить бога и бросить вызов тем, кто осмелился пойти против воли создателей. Никто не знал, чем закончилась та история. Одни барды пели о том, что рубиновокрылая пожертвовала собой и тем закончила войну, другие — о том, что бог ответил ей взаимностью и спас, когда надежды больше не было. Кейден пел о прощении, о том, что отверженная своим народом, однажды она простила их и последовала за своим богом в иные чертоги. А что было правдой знало только время.

Уместна ли была сейчас эта песня Кейден не знал, но, если таверна была предназначена для восстановления мира среди народов, не пришла ли пора отпустить прошлое и начать с чистого листа?

Когда отзвучали последние аккорды и новые посетители, обсуждая услышанное, разошлись по комнатам, Кейд отложил гуцынь и остался помогать убирать в трапезной.

Повозку разгружали уже затемно: упругие головки сыра и свежие овощи, отборное мясо и спелые фрукты — Арк действительно оказался отменным знатоком отличных торговых мест. Бумажные пакеты и плетёные корзины с припасами занимали свои места в ледовом погребе и в шкафах. Доход таверны ещё был слишком мал, чтобы покрыть траты и Ветта пока отдавала свои накопления, надеясь, что однажды таверна станет настоящим оплотом для путников.

— Я помогу, — тихий голос барда, отчего-то сегодня грустного, отвлек Ветту от собственных невесёлых дум.

Кейд перехватил тяжёлую корзину с ароматными цитрусами, которую Ветта безуспешно пыталась подтянуть к краю, и помог лире спуститься на землю. Выглянувший проверить всё ли разгрузили Амрэль, хмыкнув скрылся за дверь, попрощался с Элеоном, тот обещал на завтра всё же заняться теплицей для Имы и маленькой оранжереей для Ветты. Мастер дерева подмигнул на прощание барду, помахал лире и весело насвистывая направился домой.

Поглощённая судьбой Эймеры лира Норе задержала свою ладонь в руке Кейда дольше

положенного: празднование пройдёт в лесу, среди эльфов, а после накроют столы в таверне. А затем начнётся буря молний...

— О, извини, — Ветта отдернула руку, затеребив ею край передника. — Я сегодня не слишком внимательна.

Поздний вечер полнился ароматом душистого табака и ночной фиалки, расплескал по небу далёкие огоньки звёзд, трещал наперебой сверчками и цикадами. Освещённый сиянием фонариков в окнах, бард стоял напротив, держа в одной руке корзину с цитрусами, а другой ероша торчащие из-под шляпы волосы.

— Сегодня был просто странный день, — наконец нарушил тишину Кейд. — Думаю, быть растерянным и сбитым с толку вполне нормально.

— Да, оказывается некоторые люди действительно такие, как о них говорят, — кивнула Ветта, забирая последний тюк с зеленью, что лежал с краю. — Я никогда не думала об этом.

— Ветта, я...

— Кейд, может... Ты хотел что-то сказать?

— Сначала ты.

Смущённо улыбнувшись, лира Норе отступила в сторону входа в таверну, предлагая барду следовать рядом.

— Ты рассказывал о семье, наверное, ты хотел бы вернуться к ним на время бури? Всё же буря молний не тот праздник, который проводят вдали от родных.

— Нет, я хотел бы остаться здесь, если ты не будешь против.

— Было бы здорово!

Ветта не знала почему согласилась и втайне обрадовалась, что бард не уедет из «Перекрёстка». Возможно, оттого, что Амрэль и Эймера, Има и Арк хоть и будут с ней в эти дни, но в то же время они будут друг с другом, а лире хотелось иметь возможность просто поболтать с кем-то за чашкой душистого чая поздним вечером, когда чёрное небо раскрашивают длинные светящиеся изломы, словно корни деревьев вдруг пронзившие небо. И воздух сотрясает от грохота такой мощи, что посуда звенит жалобным перезвоном. И вроде должно быть страшно, но всё внутри замирает от восхищения силой и мощью первозданной стихии.

Разместив цитрусы и зелень, Ветта тепло улыбнулась музыканту:

— Ты что-то хотел сказать.

— Да, — мысленно Кейден отругал себя за малодушие, но вслух произнёс совсем не то, что хотел. — Если тут нужна будет помощь, всегда буду рад. Я умею не только играть.

— Спасибо, Кейд. Дальше я справлюсь. Добрых тебе снов.

— И тебе добрых...

Покинув Ветту, Кейден заперся в своей комнате, освободил уши и хвост, сжал голову руками, прошептав бессильно:

— Кейден, ты такой остолоп!

Глава 23. Без оглядки

Леди Мэлин улыбнулась давнему другу, легонько коснувшись его руки.

— На твоём месте я бы не переживала так сильно, мой дорогой Элеон, мы всё успеем. Уверена, что уже на закате я смогу назвать наречённую своего сына дочерью. И это будет правильно.

— Понимаю, — кивнул мастер дерева, ожидая поддержки хотя бы от супруга Мэлин, но тот, как и всегда, принял её сторону.

— Элеон, уже то, что мы знаем об этой опасности, делает её меньше. Да, в жизни Меры была тёмная полоса, но возврата к ней не будет. Хозяйка мельницы ничего не сможет противопоставить этому союзу. У Ветты есть отступная, у Меры — вольная. Капитан Офир мудрый человек, я знаю его с рождения, знал его отца и деда, а прадеду спас жизнь. Уверен, что этот инцидент вскоре будет исчерпан.

— Твои слова да в уста создателей, — поздний гость поднялся из кресла, тревога искажала лицо того, кто в таверне словно забывал обо всём, всей душой улыбаясь тому, как расцветало проклятое когда-то место.

Но судьба уже стояла у порога, испытание Ветты всё ближе и как справится с ним хрупкая и нежная аммилиса оставалось только гадать. Широта её души обнимала весь мир без исключения, не делила на чёрное и белое, прощала слабости и ошибки, но сегодня она столкнулась с тем, с чем не сразу смогла справиться. Уходя Элеон видел, что её зелёные глаза, будто листва молодого деревца, всё ещё печальны.

— Друг мой, мы справимся, — Сэрион подошёл к мастеру дерева, сжал его плечо, уверенно заглядывая в глаза. — И Ветта пройдёт то, что ей предназначено, если достойна быть хозяйкой таверны, если ей по силам подарить свой свет другим.

— Об этом я и беспокоюсь, — Элеон через силу улыбнулся, убрал руку хозяина дома с плеча и покинул друзей.

В своём доме ждали супруга и дети, ночь казалась слишком тёмной в ожидании бури и лишь далёкие звёзды освещали эту тьму. Впервые увидев лиру, он, как и родители Амрэля после известия о её появлении, без оглядки поверил, что лире по силам преобразить «Перекрёсток». Сегодня она показалась ему слишком хрупкой для этого, неподготовленной противостоять злу чужих душ. Но, может, таким и должен быть настоящий Свет? Свет, который нужно беречь, чтобы он не угас.

Не подозревая о мыслях мастера дерева, в таверне гасили свет постояльцы, делала уборку в трапезной Эймера, Амрэль и Има строили планы, примериваясь к новым припасам, сошлись на мясной запеканке с сыром на утро. Ветта смеялась над ними, раздавая заслуженное лакомство летучим мышам. Спорили над приправами: эльф настаивал на лесных травах, огриха ратовала за луковые кольца. Арк чистил Морту после дороги, кормил и поил, поглаживая лошадку по шее. Кейден же твёрдо решил поговорить с Веттой утром после завтрака.

— Милая хозяйка, благодарю за кров и ночлег, — поклонился знакомый Арка торговец-огр, прощаясь после сытного завтрака с удивительно вкусной мясной запеканкой, начинённой травами и украшенной золотистыми луковыми кольцами. — Все караваны Каменной Гряды будут рады, когда я передам им, что появилось место ночлега, где могут принять с распростёртыми объятьями и больше не нужно мокнуть под дождём или замерзнуть

от вьюги на тракте на этом отрезке пути.

— А я всегда буду рада принять гостей из ваших земель, — улыбнулась в ответ Ветта, погрузившись в привычную суету, забыв о прежних горестях. — Приезжайте ещё!

Попрощавшись с ним, Ветта отправилась на задний двор проверить посадки Имы, уже вовсю зеленевшие в плодородной чёрной земле. Аккуратные грядки с середины лета и до поздней осени будут снабжать их своими приправами и овощами. Лира Норе думала о том, что неплохо бы иметь ещё рядом небольшую фруктовую рощу, если урожая будет много — Арк сможет отдавать его своим соплеменникам, на их скудной земле и то, что у огрихи взошло, уже было богатым урожаем. Има как-то обронила между делом, что пожилые огрихи часто выживают с трудом, держась лишь на помощи сердобольных соседей и детей, если не могут уже из-за слабости сами вести хозяйство.

— Ветта, как хорошо, что ты сейчас одна, я бы хотел поговорить, — обернувшись на звук голоса Кейда, Ветта замерла загнанным в ловушку зверьком, во все глаза разглядывая серебристого аммилиса с лицом и манерами поселившегося у них барда.

— Кейд? — Имя вырвалось помимо воли, лира чуть не хлопнула себя ладонью по лбу: ну как она не догадалась? Ведь такое похожее имя.

— Кейден, — крутя в ладонях шляпу поправил собеседник. — Кейден Сел-младший, если совсем точно.

Лира Норе недоверчиво разглядывала своего наречённого, медальон с чьим образом она так и не открыла, сразу положив в ящик своего секретера в отчем доме и хранила вместе с письмами. Серебристый мех на хвосте и ушах того же, что и у неё оттенка, добавляли к облику барда, к которому она уже привыкла, свойственный аммилисам шарм и словно складывал недостающую мозаику в его образе.

— Я знаю, что поступил неправильно, не сразу появившись в своём настоящем облике, надеюсь, ты простишь мне нежелание испугать тебя.

— И ты решил, что будет удобнее втереться в доверие, а потом отвезти меня домой и заключить союз? — нахмурилась Ветта, складывая руки на груди.

— Нет. То есть да... — Кейден сжал несчастную шляпу и выдохнул, собираясь с силами. — Я думал так поначалу, что обязательно верну тебя в норные жилища и ты станешь моей супругой, как и было договорено. Но когда твои родители отреклись от тебя...

— Они от меня отреклись? — Эхом отозвалась лира Норе.

— Да, сожалею, — кивнул лир Сел. — Тогда я решил, что просто верну тебя назад, думал, что это неважно, лишь бы ты была в безопасности, среди своего народа. Но потом, когда нашёл тебя, всё изменилось, Ветта. Я понял всё то, о чём ты всегда писала — норные жилища для тебя всё равно, что тюрьма и осознал, что не смогу обречь тебя на возвращение в ту клетку, в которой ты жила.

— И что ты будешь делать теперь? — лира отвернулась от наречённого, хотелось кричать на весь лес: она была так беспечна, думая, что сможет затеряться, что её никогда не найдут.

Со стороны леса шёл Элеон, издали помахав рукой с зажатыми в ней цветочными гирляндами для украшения таверны. Ветта махнула ему в ответ, надеясь, что острый взгляд эльфа не видит издали её смятения.

— Я подумал вчера, что если ты не можешь вернуться, то, может, разрешишь мне остаться?

Не ожидавшая услышать этих слов лира Норе ошарашенно развернулась к Кейдену. Он

хочет остаться здесь, отречься от семьи... Ради неё?

Глава 24. Когда опадают лепестки

Нет, думать об этом она будет потом. Сначала нужно устроить судьбу Эймеры, а после разбираться с призраками собственного прошлого. Бежать самой или выгнать Кейдена точно не стоит — она уже сбежала, а он нашёл. И как только у него это получилось? Да, лира не сильно таилась на тракте, но таверна всё же в стороне от дорог и слава о ней ещё не разнеслась.

Ветта нахмурилась, прикусив губу. Кейден терпеливо ждал её ответ. А Элеон подходил всё ближе и скрыть от него произошедшее оставалось всё меньше шансов. Да и эльф уже наверняка заметил, что рядом с ней другой аммилис.

— Хорошо, — кивнула лира, собравшись с мыслями. — Сегодня праздник у Эймеры и Амрэля, я не могу отказываться от помощи, как бы мне сейчас не хотелось это сделать. Нужно украсить таверну, помочь Име с трапезой, и из города обещали сегодня доставить нарядные платья от портнихи. Ты будешь помогать Элеону и Арку, а я помогу Име.

Не подозревая об их знакомстве, Ветта оставила Кейдена самого объяснять Элеону кто он и что тут делает, трусливо сбежав на кухню от своих проблем. Только среди пряных и цветочных ароматов лира Норе забывала о своих горечах, целиком отдаваясь любимому времяпрепровождению. Становилось легче. Даже внимательная огриха вскоре успокоилась, увидев, что настроение Ветты улучшилось по сравнению с тем, в котором она пришла к ней. Расспрашивать о личном Има Арнх пока не решалась, но видела, что юная аммилиса чем-то очень расстроена, хоть и пытается скрывать это за весёлым и лёгким нравом, шутливыми отговорками.

Эймеру ещё на рассвете забрал Амрэль, ей предстояло провести день с его семьёй, но «Перекрёсток» всё равно к назначенному времени несказанно преобразился.

«Милые гости, сегодня в таверне праздник, пожалуйста, не стесняйтесь оставаться на ночлег. Ключи от свободных комнат в коробе возле стойки, монетница рядом. Располагайтесь и ни о чём не беспокойтесь — ужин будет вовремя».

Ещё раз придирчиво оглядев записку на двери, Ветта подошла к друзьям.

К счастью, платья успели доставить вовремя. Когда лира Норе увидела себя в зеркале, то не смогла сдержать восхищённого выдоха, как и Кейден сейчас, во все глаза разглядывая тончайшую ткань светлого оттенка, окутавшую её тело словно лёгкое облачко. Светло-розовое на плечах оно становилось белым к талии и снова возвращалось к своему первому цвету на юбке. Более тёмного оттенка розовый пояс с цветочной белой вышивкой своей шириной подчёркивал небольшую грудь и тонкую талию лиры. Рукава, словно цветок калы, длинным краем опускались до самой земли, а коротким — открывали запястья. Довершала наряд накидка прямого кроя цвета сирени, позволяя образу быть не слишком пышным, и сиреневые туфельки из мягкой кожи, украшенные крупными бантами над пяткой — их передал вместе с поясами кожевник.

Арк и Има отдали предпочтение традиционным праздничным одеждам своего народа: рубаха и брюки песчаного оттенка с охранный вышивкой на распорядителе таверны, такого же тона длинное платье на его супруге и простые кожаные туфли. Кейден тоже не стал отступать от традиций: белые камзол, рубаха, брюки и высокие летние сапоги делали его мех ещё более сияющим, меняющим свой оттенок от серебра до стали. Элеон по-доброму посмеивался над их «королевским» обликом, обещая принарядиться чуть позже, после того

как проводит на торжество.

Тихий смех далеко разносился в тёплом вечернем воздухе, вился с мошарой над дорогой. Има и Арк тепло приняли разоблачившего себя Кейдена, с любопытством посматривая на ещё одного аммилиса, поселившегося в таверне, тот шёл рядом с ними, и старикам было совершенно точно понятно: молодой лир безнадежно влюблён.

Ветта Норе избегала встречаться с ним взглядами, стараясь не оглядываться, и всё что Кейдену оставалось — рассматривать сложные косички и новые ленты в тон платью.

Лес встретил запахом разомлевшей за день на солнце смолы и маленькими фонариками вдоль тропы. Всё лесное поселение сияло огнями, пестрело букетами и цветочными гирляндами, своим обликом не оставляя сомнений в том, что эльфы умеют делать незабываемые праздники.

Широкая поляна, на которую привёл их Элеон, сияла словно посеребрённая, усыпанная светлячками, слетевшимися сюда будто со всего мира. Яркие точки в траве и в листве светили не хуже солнца в это время суток. Цветочная арка в центре поляны, сплетённая из белоснежных роз и пионов, придавала ещё больше сказочности этому моменту.

Эймера и Амрэль уже стояли возле арки. Оба улыбались, светясь от переполнявшего их счастья, не замечая никого больше. По ткани их парных белых нарядов золотился узор из цветов и листьев, охватывая рукава и подол платья наречённой, змеясь по рукавам и низу фрака наречённого. Приталенный гладкий наряд девушки от талии сбоку переходил в пышные складки, прихваченные кружевными цветами и бабочками, сияя в свете ночных насекомых. Эймера выглядела нежной и хрупкой эльфийской принцессой, чья сказка ожила и стала былью.

Родители Амрэля подошли к наречённым и со всех сторон зазвучала нежнейшая песня. Эльфы знали каждое слово наизусть, гостям же оставалось слушать, затаив дыхание.

Древние травы и цветы, рождение первых народов, прозрачный воздух и бесконечная любовь к миру гремели вокруг в этом мотиве. На глазах Ветты навернулись слёзы. Бескрайняя нежность к каждому мигу жизни, отеческая мудрость к любому событию мира, безоговорочная преданность — вот что двигало лесным народом, вот что прославляли они в тот момент, когда двое сделали шаг вперёд навстречу друг другу. Амрэль обнял Эймеру и золотое сияние охватило их, а в воздухе, падая с небес, закружили белоснежные лепестки, укрывая землю под ногами.

— Я с тобой до последнего вздоха.

— Я с тобой до последнего удара сердца.

Произнесённые клятвы растворились в ночи, скреплённые нежным поцелуем и наречённые стали парой. А Ветта и сама не заметила в какой момент от восхищения сжала ладонь стоящего рядом Кейдена.

Глава 25. Вечер волшебства

Эймера ещё никогда так не радовалась и поверить не могла, что когда-то ей казалось, что встреча с Амрэлем уже настоящее счастье. Каждый знак его внимания слегка пугал, а после заставлял сердце биться быстрее, а душу — расцветать. Сейчас, глядя в его глаза, ей казалось, что весь мир может поместиться в сердце — настолько оно переполнилось безграничным счастьем. Рэль был прав: страх и мандраж отступили в тот же момент, когда он подвёл её к церемониальной арке. Они стояли среди цветов и среди друзей, и в том же время во всём мире никого кроме них не было. Разве это возможно, чтобы мир одновременно был крошечным и огромным? Но именно так его сейчас ощущала девушка.

Когда непостижимое сияние охватило их, а клятвы исчезли, смешавшись с цветочными лепестками, Эймера ощутила древнюю магию леса. Жизнь Амрэля и её жизнь лес связывал нерушимыми вечными клятвами, даруя время, которого никогда бы не было, если бы не появившийся в её жизни мастер животных. Амрэль улыбался и глаза его сияли лесными чарами. Он щедро делился с Мерой чашей своей жизни, до самой последней капли, сделавшей их время равным. Отведённый ей миг человеческой жизни растаял, наполнившись бесконечностью и вечной молодостью. Став частью лесного народа, Эймера больше не принадлежала к людскому роду и их законы стали над ней не властны.

По традиции они должны были отправиться в дом супруга, но Амрэль решил иначе, выбрав своим домом «Перекры́сток». Прощание с продолжившими пир эльфами заняло совсем немного времени — лесные жители считали, что сама церемония для наречённых, а вот последующий пир уже для гостей. К чему все эти ожидания, когда паре всё равно не до поздравлений и подарков. Они обрели друг друга, так зачем им мешать?

Элеон остался среди своих, разделяя привычки своего народа, а жители таверны вскоре вернулись домой. Арк и Има быстро проведали и помогли нескольким новым гостям разместиться с большим комфортом — стая Аки уже подала им лёгкий ужин и большая часть гостей отдыхала.

Таверна сияла тёплым светом алых свечей, привезённых лирой из человеческого города. Пестрела белоснежными цветочными гирляндами под потолком, которые принёс Элеон и развесил Кейден. Белые и алые пёрышки, закреплённые на длинных золотистых лентах, спускались из-под потолка и звенели крохотными золотыми и серебряными колокольчиками повинаясь движениям воздуха.

— Ветта, спасибо! — потрясённая красотой и уютом трапезной залы Эймера обняла подругу. — За всё тебе спасибо!

— Это ваш вечер, пора отдать ему должны почести, — улыбнулась лира, обнимая в ответ.

И хотя Эймеру распирало от любопытства: кто же этот аммилис рядом с Веттой, почему она избегает находиться к нему слишком близко и почему он так похож на их барда, девушка была слишком поглощена собственным счастьем, чтобы спросить об этом без лишних ушей.

Столы ломились от десертов и основных блюд, спустившиеся вниз постояльцы были беспрекословно размещены за столами, вкушая редкие и необычные лакомства. Лучшее эльфийское вино золотилось в тонконогих бокалах, пуская на скатерти «солнечные зайчики».

Ветта ловила себя на мысли, что в такие моменты мир всегда кажется предельно

простым, нет ни сложностей, ни проблем, только бесконечное ощущение единства и радости. От всей души она радовалась за друзей, когда те смущённо улыбаясь покинули гостей. Има и Арк уже слишком старые для долгих празднований задержались не дольше. Постепенно разошлись остальные. И лира внезапно поняла, что в зале остались только она и Кейден.

Убирая со стола, как обычный служка, лир Сел улыбался, видимо, как и она, находясь под впечатлением прошедшего дня. Потомок великой торговой династии не брезговал обычными житейскими делами, совершенно не походя на тот образ, что сложился у лиры Норе по письмам. Он бросил все свои дела, отправился на её поиски, нашёл и попросил остаться рядом. Тот деловой сухарь, что писал ей письма так никогда бы не поступил. Может, она всё же поспешила с выводами о нём, основываясь лишь на переписке да собственном воображении? Но их союз всё равно остаётся абсолютным мезальянсом, так к чему же всё это?

Время давно перевалило за полночь, когда Ветта и Кейден закончили с уборкой, так и не проронив ни слова. Только задумчивые взгляды и случайные прикосновения.

Убедившись, что всё в трапезной и на кухне чисто, а заготовки к завтраку томятся на столе подвластные сохраняющим свежесть заклинаниям, лира Норе вышла на улицу. Она думала, что устанет в такой суматошный день, но лёгкая нервозность, что преследовала с момента признания Кейдена, отгоняла сон, вынуждая желать простора, а не стен.

На тёмном небе уже почти не было видно звёзд — скоро всё затянут тучи, нависнут тяжёлым покрывалом над миром и только свет бесчисленных молний будет озарять округу.

Ветта вздрогнула, когда на плечи опустилась её праздничная накидка, оставленная возле стойки ещё в начале вечера.

— Ночи становятся прохладнее ближе к буре, не стоит так долго находиться на улице в одном платье, — Кейден сел на ступеньку рядом с лирой.

Она и не заметила, что успела продрогнуть под пока ещё лёгким ветром.

— Спасибо.

— Не стоит, — лир Сел улыбнулся, в льющемся из окон свете черты его лица казались простыми и в то же время мрачно-торжественными, а в глазах пряталась грусть.

— Не только за накидку, — смутилась Ветта, прижав уши к голове при воспоминании о своём порыве в лесу, казалось, она до сих пор ощущает его ладонь в своей руке. — За сегодняшний день спасибо, ты... очень помог.

— Я же говорил, что умею не только играть, — рассмеялся Кейден.

Вышедшая из-за тучи луна осветила серебристый мех спутавшихся между собой хвостов сидящей на ступеньках пары, оба молчали, решая кто они в судьбе друг у друга. Слова были лишь преградой для чувств, убеждающих обоих, что сидеть вдвоём вот так на ступеньке совсем не в тягость.

Глава 26. Визит капитана стражи

Утро застало лиру Норе в растрёпанных чувствах. Она так и не смогла заснуть. В мыслях, словно мозаика, вертелись все те строчки из писем, что посылал ей Кейден Селмладший. И как же они были далеки от него настоящего. С ним было так уютно молчать в темноте ночи, что не хотелось нарушать эту тишину. Когда она чуть задремала на крыльце, уронив голову ему на плечо, Кейден так же молча отнёс Ветту в её комнату и тихо закрыл за собой дверь, отправившись к себе.

Покинув постель, лира открыла коробку со вторым платьем, погладила нежный шёлк ткани... Как непривычны стали эти красивые одежды за то время, что она была хозяйкой таверны! Брюки и длинные туники, рубахи и простые юбки, захваченные из дома, за то время, что восстанавливали таверну, пришли в негодность. Теперь ей снова предстояло стать той, кем она быть не желала. Но ведь это всего лишь одежда? Одежда, положенная по статусу хозяйке таверны, и Ветта сама выбрала такой крой, как самый непритязательный, из предложенных портнихой рисунков. Похожий наряд она оставила в комнате Эймеры, как подарок к празднику.

Платье отличалось от того, что было накануне, лишь лёгким персиковым оттенком, более простым кроем и изящным узором из лилий на груди. Синевато-серый пояс находил своё отражение в оторочке верхней накидки. Она больше не дочь рода Норе, она — хозяйка таверны «Перекрёсток» и пора соответствовать этой роли!

Одевшись, Ветта спустилась вниз, ловя восхищённые взгляды постояльцев, находя для каждого доброе слово, заверяя в том, что будет рада снова видеть после бури, желая крепкого здоровья и семейного счастья. Има уже всю хлопотала на кухне и завтраки были поданы вовремя.

— Ты последнее время сама не своя, — поставив перед лирой чашу с бульоном, потрепала её между ушей мудрая огриха. — Возможно, хочешь поговорить о том, что происходит?

Сев напротив Ветты, Има Арнх подвинула к ней ближе мисочку с гренками.

— Не знаю, Има, — вздохнула Ветта, щедро посыпая наваристый суп хрустящим хлебом. — Когда я нашла таверну, всё казалось таким простым: отремонтировать, восстановить, принять гостей... Но я совсем не думала о том, что случится, когда о таверне пойдёт слава. Меня найдут соплеменники, пусть я уже и не принадлежу своему роду...

— Это из-за Кейда?

— Кейдена. Его настоящее имя Кейден.

Има кивнула, предлагая продолжать, и Ветта снова вздохнула.

— Он — мой наречённый, а я сбежала, пытаюсь аннулировать союз, который совершенно необоснован. Моя семья когда-то была богата, но постепенно спустила все доходы на праздность, пускала пыль в глаза, пытаюсь казаться успешнее и богаче, чем было на самом деле. Я до сих пор не знаю почему лир Сел-старший предложил этот союз. Великая торговая династия и угасающий род, погрязший в пороках, несвойственных моему народу. Разве это правильно?

— А ты спрашивала у Кейдена об этом? — Има взялась протирать посуду, не отводя внимательного взгляда от лиры.

— Много раз! — воскликнула Ветта. — В письмах он обходил эту тему, ссылаясь на

какие-то глупые отговорки.

— Возможно, стоит поговорить с ним сейчас? С глазу на глаз обмануть сложнее...

— Он не обманывал, просто уходил от темы.

Ветта доела бульон показавшийся абсолютно безвкусным и поднялась из-за стола. Аммилисы не обманывают, не притворяются, не идут против своих... Но Кейден уже пытался провести её, притворившись бардом, возможно, её семья не одна такая... не правильная.

Вернувшись в трапезную залу, лира Норе застала Кейдена беседующим с капитаном Офиром. Человек держал в руках конверт очень похожий на один из тех, что были в доме лиров Норе. Увидев Ветту, капитан убрал конверт в нагрудный карман и учтиво поклонился.

— Лира Норе, рад снова видеть, я по вопросу Эймеры...

— Да, конечно, капитан, чем могу помочь? Эймера сегодня не работает в таверне...

— Всё хорошо, лира, я зашёл, чтобы принести откупную. К твоей подопечной больше нет вопросов и притязаний. Сегодня меня постелил милорд Сэрион и заверил, что леди Эймера теперь подопечная Вечного Леса. Признаюсь, искренне рад такому повороту событий: эта девушка всегда была очень мила со всеми, когда я встречал её в городе. Нужно лишь подписать эту бумагу, и она больше никогда не подвергнется каким-то нападкам со стороны людей.

— А... А её бывшая хозяйка? Неужели она смирится с таким исходом? — от потрясения Ветта даже присела на стул, нервно забив хвостом по полу.

— У леди Мирд больше нет шансов вернуть свою якобы подопечную, — улыбнулся капитан Офир, протягивая Ветте лист с убористым почерком. — Защита Вечного Леса бесприкословна.

Бегло прочитав содержимое, сухо указывающее на то, что леди Эймера исключена из книги жителей человеческих земель, Ветта вернула лист Офиру.

— Спасибо! — не сдержав порыва, лира Норе бросилась на шею капитана, от души того обняв. — Вы не представляете как я рада!

— Лира, не стоит, — улыбнулся капитан, неуклюже похлопав аммилису по спине. — Это мой долг — защищать слабых.

Угостив Офира бокалом вина и парой уцелевших деликатесов с вечернего пира, Ветта тепло с ним распрощалась. Разъехались и постояльцы. В ближайшие несколько дней их будет совсем мало, если вообще будут. Перед бурей многие почитают за лучшее остаться дома, даже если поездка надёжна, чтобы не быть застигнутыми в дороге.

Пожалуй, лучшего времени, чтобы поговорить с Кейденом, просто нет.

Глава 27. Такой бывает правда

Наречённого лира нашла позже на заднем дворе. Кейден помогал Элеону в работе с обещанными теплицей и оранжереей, вовремя останавливая мастера дерева, когда стебли оказывались слишком близко от посадок Имы.

Удивительное было зрелище! Повинуясь пению эльфа всё новые и новые гибкие лианы вырывались из почвы, устремляясь вверх, переплетаясь между собой, застывая изысканными формами пропускающими достаточно света и в то же время дающими защиту от его переизбытка. Лозы вьюна вились по лианам, абсолютно прозрачные, словно хрустальные, лепестки крупных цветов раскрывались и замирали, защищая от непогоды, заменяя окна.

— Несколько саженцев для оранжереи и семена оставил возле бочек для воды, — заметив Ветту, эльф оторвался от своего занятия, обошёл получившееся ажурное строение и остался доволен увиденным. — Тут хватит места и для белых роз, условий им достаточно.

— Белых роз? — лира Норе ахнула. — У меня будут свои белые розы?

— Да, и ещё лаванда, перечная мята, хлопок и лён. У тебя будет время рассмотреть все семена — поделившиеся ими семьи подписали какие они и как за ними ухаживать.

— Элеон, это чудесно! Я так признательна твоему народу за помощь!

Восхищение лиры прервала яркая вспышка, разбежавшись по потемневшему небу всполохами.

— Кажется, буря в этом году решила прийти раньше, — задумчиво потёр подбородок Элеон. — Предлагаю доделать, что осталось и расстаться до её завершения. Боюсь к ночи она разразится, небо уже темнеет.

Теплица для Имы выросла тем же способом, что и оранжерея Ветты. Пение и магия лесного народа возвели сооружение не менее изящное, чем пристанище для цветов: живое и гибкое, способное следить за тем, чтобы растения не страдали от излишков солнца и тепла или от их недостатка.

— После бури можно будет посадить саженцы, как раз внутри уже будет нужная среда и полезные насекомые будут привлечены магией.

Элеон ушёл убедившись — с новыми постройками всё в порядке, поспешив в лес до начала бури. Ветта надеялась, что он успеет добраться до защиты деревьев раньше, чем погода окончательно испортится.

— Кейден, — лира Норе окликнула наречённого, отвлекая от складывания семян и саженцев в одну из пустых бочек, чтобы укрыть от непогоды. — Почему ты решил разыскать меня? Ведь матушка и батюшка от меня отреклись, тебе больше нет нужды создавать союз со мной. А по меркам народа он теперь и вовсе нежелателен. Неужели твоей семье так нужны монеты, что накопились за то время, что мы связаны? Их сумма не так велика и...

— Ветта, — лир Сел вздохнул, тепло улыбнулся ей. — Милая Ветта. У меня была минутная слабость отречься от тебя, когда я узнал о твоём побеге. Но бросить на произвол судьбы ту, что стала моим светом, было бы предательством. К тому же, дело не только в тебе и во мне. Наши семьи из первых, чистых родов, сохранить наследие — это наш долг.

— Значит, ты здесь только из-за этого? Выполнить долг перед народом? — лира Норе криво улыбнулась, обняв себя за плечи.

По небу снова пронеслась вспышка, вдалеке громыхнуло раскатистым гулом. Ещё безопасно, но скоро только таверна останется их защитой.

— Нет, — Кейден подошёл к Ветте, протянул ладонь, коснувшись щеки лиры, улыбнулся. — Когда-то так действительно было, и наша кровь для меня имела значение. Твоя семья всегда выделялась среди аммилис своими характерами и пристрастиями. Твои родители переплюнули в этом всех предков вместе взятых, они даже пошли на преступление против нашей памяти.

Вздогнув от прозвучавших слов, лира Норе во все глаза уставилась на Кейдена, но он смотрел прямо и с сожалением, словно до последнего не желал говорить ей жестокой правды.

— Наш союз был заключён с целью узнать, как далеко они зашли. Насколько много ты знаешь о делах твоих родителей и как глубоко увязла в них... Но твои письма, такие добрые и наивные, лишённые всего этого коварства и уловок, убедили старейшин, что тебя ещё можно спасти от влияния родителей.

— Мои письма тебе читали старейшины?! — Ветта отскочила от Кейдена, распушив хвост и прижав к голове уши, едва подавив в горле готовое вырваться рычание.

— Только вначале, — запротестовал лир Сел. — Когда они поняли, что в тебе нет ни капли вины, то оставили всё на усмотрение моей семьи, а я уже не представлял себе, что больше не буду получать от тебя ни строчки...

Ветта всё-таки зарычала, в груди жгло от обиды и какой-то странной тоски, усиливающейся при каждом взгляде на Кейдена.

— Мне правда жаль, — она замерла перед ним, словно натянутая тетива лука, готовая сорваться в любой момент, вынуждая слова замирать комом в горле, а глаза обжигали сдерживаемые слёзы, мешая видеть лицо Ветты.

Если бы она не сбежала, а союз был заключён, лира Норе никогда бы не узнала об этом. Но всё меняется и только правда либо разрушит всё до конца, либо позволит ей наконец-то начать ему доверять.

— Что с ними будет? — хвост Ветты опустился, а сама она будто сжалась. — Что будет с моей семьёй?

— Я отдал конверт капитану Офиру — это необычная бумага и очень дорогая. Если подтвердится, что они действительно продавали реликвии нашего народа старьёвщикам и богатеям, желающим иметь у себя что-то крайне редкое, то их будут судить.

— Это ужасно, — лира Норе вздрогнула от очередного раската небес, обошла Кейдена, направившись ко входу в таверну. — Я никогда не хотела бы этого знать.

— Я бы никогда не рассказал тебе, — лир Сел направился следом. — Если бы от этого не зависело твоё доверие ко мне и возможность сохранить всё то светлое, что может быть однажды.

Ветта замерла у двери, коснувшись лбом прогретой за день на солнце древесины. Хотелось плакать, но глаза были сухими. Наверное, Кейден прав и это был единственный способ, и всё же в который раз убедиться, что её семья — недостойные аммилисы было очень больно. Словно почувствовав невысказанное вслух разочарование лиры, Кейден обнял её, прижав к себе.

— Вместе мы со всем справимся, ты только верь мне...

Глава 28. Буря повсюду

Как и предполагал Элеон, к ночи небо окончательно потемнело. От громовых раскатов дрожали стены и звенела посуда. Яркие вспышки прорезали густые тучи, освещая попрятавшийся по домам мир вместо солнца днём и звёзд ночью. На миг становилось так светло, что казалось каждый клочок земли сияет от одного края земли до другого, а следом раздавался грохот, словно небо упало на землю, погребая под собой скалы и реки. Краткая передышка кромешной тьмы и новый светящийся грохочущий раскат.

Ветта застыла у окна своей комнаты. Ей казалось, что всё творящееся сейчас с природой отражает её душу: вспышка чувств и кромешная тьма опустошения. Виной тому были до сих пор каждой шерстинкой чувствовавшиеся объятья Кейдена, хотя он уже наверное давно спал, оставив её обдумать услышанное, или горькая правда о том откуда у матушки и батюшки всегда находились монеты на оплату долгов после их бесконечных приёмов и вечеринок. Род Сел поступил мудро, обезопасив будущее Ветты, отдав управление её состоянием наречённому, но разве она не имела права знать? С другой стороны, если старейшины расследовали это дело, посвятить лиру Норе в их планы означало спугнуть и заставить затаиться её родителей. Она бы не стала молчать и постаралась вразумить лиров Норе-старших.

Понимая, что двигало Кейденом, Ветта всё же не могла понять почему он был так скрытен? Ответ пришёл сам собой, словно вспышка света в бескрайней долгой ночи. Он заботился о её благополучии. Даже скрыв свою личность он желал лишь одного — не напугать. Как же она была слепа, разглядывая в сухих деловых строчках писем лира Села только желание воспитать себе достойную жену. Видела лишь то, что хотела, находя подтверждение своим мыслям даже там, где их не было. Настолько диким ей казался этот мезальянс. Но суть его была проста: её народ заботился о ней и хотел оградить от будущих проблем.

Впервые за всю свою жизнь лира Норе почувствовала, что наконец-то может вздохнуть свободно. Здесь, в таверне, сбывались все её самые потаённые желания: она обрела семью и друзей, она может быть собой, о ней заботятся и любят так же безгранично, как она полюбила это место и этих существ. Возможно, однажды и аммилисы смогут простить ей побег, и простят Кейдена, что последовал за ней, рискуя потерять всё.

Поддавшись порыву Ветта вынула из ящика своего комода приготовленный для Кейдена подарок. Для того Кейдена, что был простым бардом Кейдом. Гусиное перо с чернилами и бумага нашлись в соседнем ящике. Устроившись за столом и отпустив с ладони светящийся шарик лира Норе принялась кропотливо выводить на белом листе свои чувства. Каждое слово казалось ей правильным и необходимым.

«Милый Кейден.

Надеюсь, ты найдёшь возможность простить мне мою поспешность с выводами. Я судила о том, что ты делаешь и как поступаешь, не зная тебя. Это непозволительная ошибка и грубость с моей стороны. Я благодарна тебе и роду Сел за оказанную поддержку и заботу. Верю, что когда-нибудь смогу отплатить добром своему народу за то, что хотели помочь избежать больших проблем, чем у меня были. Но хочу, чтобы ты знал: если бы мы снова оказались в том дне, я бы снова сбежала. Моё сердце и моя душа принадлежат этому месту, здесь мой дом. Если ты решишь остаться, я не буду

препятствовать, но прошу — не разрывай свои связи с семьёй, они благородные аммилисы и их сын должен быть с ними.

*С безграничным теплом,
Ветта Норе».*

Сложив лист, пока не передумала, лира Норе достала простой серый конверт из пачки купленных в человеческом городе и положила в него письмо. Конверт привязала ленточкой к коробке с новыми струнами для гуцынь, забрала из ящика ещё несколько разноцветных коробочек и спустилась в трапезную.

Вечером Има и Арк разнесли лишние столы и стулья по краям залы, оставив свободную площадку для танцев. Два стола поставили рядом и окружили шестью стульями. Нарядная скатерть из закровов огров украсила столешницу. Фужеры, чаши и тарелки заняли свои места в ожидании блюд. Через несколько часов традиционные лакомства, томящиеся ночь в духовой жаровне, тоже появятся на столе.

Но всё это Ветту сейчас не волновало. Она подошла к ажурным фонарикам, символизирующим праздник, увитым цветами и фигурками народов. Рядом уже лежало несколько подписанных коробочек — Амрэль и Эймера всё же выходили из своей комнаты, оставив подарки друзьям. Присоединив свои дары к их, Ветта надеялась так же незаметно вернуться к себе, но передумала. Спать не хотелось, и лира отправилась на кухню.

Коржи для праздничного торта вышли на редкость мягкими, крем воздушным. Варенье из шишек пропитало основу, взбитые сливки добавили нежности, убрав специфическую смоляную горчинку, ягоды малины и клубники чередовались по краям бисквита, пирамидкой лежащего друг на друге, уменьшаясь от коржа к коржу. Медовые шарики привлекли своим ароматом стаю Аки, радостно принявшуюся помогать хозяйке таверны. Посвистывая, летучие мыши сновали между банок и лукошек доставая для Ветты нужные ей ягоды и лепестки.

Когда утром Има вошла в кухню, то ахнула от неожиданности: лира Норе дремала за столом положив голову на руки, а все ночные странники разлеглись кто где, посапывая, оттопырив округлившиеся сытые брюшки. А на столе стоял чудесный торт, волшебнее которого старая огриха никогда в жизни не видела: пять ярусов сладости, украшенные ягодами и цветами, торжественно возвышались над столешницей, слегка мерцая от заклинания свежести.

Глава 29. Путь навстречу

О том, что наступило утро, свидетельствовали лишь светящиеся шарики под потолком, даря больше света и разгоняя сумрак.

— Она это сделала за ночь?

— Какой удивительный!

— Давайте не будем пока будить Ветту.

Тихие голоса наполнили кухню на рассвете, когда Има пришла в себя и выбежала в трапезную, охая и всплёскивая руками. Таверна оживала засветло, вот и сейчас сонные обитатели подтянулись на завтрак, переговариваясь и подшучивая над минутками затишья.

— Никогда такого не видела, — Эймера протирала фужеры за стойкой, покачивая головой, девушка будто светилась от счастья и какого-то внутреннего покоя.

Амрэль и Кейден перенесли торт в залу, выделив ему почётное место на столе. Застывшие в сладкой патоке цветы нежным букетом увенчали творение Ветты, привлекая к себе внимание каждого из постоянных жильцов.

— Боюсь, что кроме варенья, Ветте скоро придётся делиться ещё одним рецептом, — рассмеялся мастер животных, вернувшись к супруге, забрав у неё чистые фужеры и поцеловав в носик. — Моя матушка не откажется от такого секрета.

— Думаю, ей придётся подождать до конца бури уж точно, — ворчливо отозвался Арк Арнх, выбирая подходящий по размеру нож, но каждый был или слишком мал, или слишком прост для подобного случая и творения.

— Подождёт, — согласился эльф, ревниво добавив: — Меня больше интересует, как наш бард вдруг оказался знатным аммилисом и какой интерес у него к Ветте.

В голове Амрэля всё ещё никак не укладывалось, что он мог пропустить столько деталей, указывающих на народность, которой принадлежал Кейд. Чрезмерно-светлая кожа уже была прямым свидетельством этого. Но, поглощённый чувствами к человеческой девушке, он просто не обращал внимания! Да и Ветта была в кругу друзей, о чём тут было беспокоиться?

Но Кейден не пытался забрать Ветту и, более того, жаждал остаться в таверне, поэтому Амрэль быстро успокоился, желая лишь знать, что двигало аммилисом. Наследник торговой династии повторил свой рассказ, от стыда прижимая уши, когда Арк или Има осуждающе качали головой. Что ж, он заслужил такое их отношение, но больше всего лиру хотелось, чтобы Ветта простила его, а чужое осуждение он сможет пережить.

Позёвывая, стая Аки покинула кухню, с любопытством разместившись на стропилах, бросая алчные взгляды на сладости и закуски. В честь праздника сам Аки даже нацепил на шею одну из ленточек Ветты, обозначая своё главенство.

Лири Норе вскоре появилась вслед за ними, споткнувшись под восхищёнными взглядами друзей.

— Ветта, милая, дозволю помочь тебе собраться, — елеинным голосом пропела Эймера и, подмигнув супругу, потянула растерянную лиру в её комнату.

— Итак... — потирая ладошки, девушка достала платье, в котором Ветта была на её обручении, к платью добавились ленты и расчёска. — Марш умываться, а потом ты мне расскажешь, кто этот милый аммилис.

Тихий смех зазвенел колокольчиком, вынудив Эймеру нахмуриться, а лира Норе не

могла сдержаться: как же мало понадобилось времени, чтобы тихая запуганная девушка, которой ещё недавно была Эймера, превратилась в сияющую, смелую барышню. Время и усилия одного эльфа сотворили настоящее чудо, поэтому аммилиса не стала сопротивляться подруге и, наскоро приведя себя в порядок, позволила девушке заплести себе косы, украсив их лентами в тон платью.

Рассказ Ветты оказался коротким, но Эймере было достаточно, чтобы понять и мотивы Ветты, и желания Кейдена. Жаль только, что сама лира Норе не сразу это поняла. Легко помогать другим, видя со стороны, что это во благо, но помочь себе оказалось сложнее. Теперь Кейден и Ветта словно слепые котятка искали дорогу друг к другу и никак не могли найти.

— Готово! — последний бантик украсил тонкую косичку, и лира Норе вместе с Эймерой покинули комнату.

— Мне теперь называть тебя леди Эймера? — шутливо ткнула наперсницу в бок лира.

— А мне тебя лира Норе? — подразнила в ответ девушка, и обе рассмеялись.

Покой царил в таверне. Казалось, даже стены отдыхали, несмотря на непрерывный грохот и ярчайшие вспышки того и гляди готовые воспламенить весь мир, но совершенно безобидные, если ты не на улице.

За столом устроились парами. Независимо от своего на то желания, Ветта оказалась рядом с Кейденом, пару раз пришлось спрашивать соль или салфетку, несколько раз он подавал ей тарелочки с закусками, чтобы она выбрала ту, что понравится. Любопытные и хитрые взгляды всё понимающих друзей прятались стоило только обратить на них внимание.

— Пора открывать подарки! — провозгласила хозяйка таверны, и стая Аки до того чинно слетавшая за той или иной сладостью, весело загомонила, кинувшись к цветным коробочкам.

Вскоре каждый получил свои презенты, а ночные странники радостно мерили разноцветные ошейники из мягчайшей кожи с маленьким медальоном, гласившим, что летучая мышь живёт в таверне «Перекрёсток» и ей не следует причинять зло или какие-либо неудобства. Гордые и счастливые крылатые охотники отправились на чердак выбирать у кого красивее ошейник и ярче медальон.

Шуршала бумага, побрякивали дары, Ветта почувствовала, как рядом затаил дыхание Кейден, читая её письмо, и открыла коробочку со знакомым ей подчерком. Маленький конверт и заколка. Охнув, лира Норе разглядывала явно сделанный своими руками подарок. Согнутая спица для волос была украшена сухими цветами и соловьиными пёрышками, от которых свисали две ниточки с нанизанными на них разномастными бусинами. Заправив две пряди от висков на затылок Ветта подколола их новой заколкой, подмигнув Эймере, и принялась за конверт.

«Милая Ветта.

Знаю, что во многом я был не прав. Сдерживался, когда нужно было всё тебе объяснить. Медлил, хотя стоило увезти тебя из дома давным-давно. Сглупил, когда следовало открыть тебе душу. Возможно, всё это не стоит прощения, но я бы хотел, чтобы ты знала: тот вечер на крыльце был самым счастливым в моей жизни. Знать, что ты в порядке и счастлива — самая большая моя награда. Надеюсь, однажды я смогу завоевать твоё доверие. А пока, остаюсь твоим преданным другом.

Кейден Сел».

Оторвав взгляд от строчек, лира Норе повернулась к наречённому в тот же момент, что

и он к ней, дочитав свои строки. Как так случилось, но оба не поняли почему их губы так близко и так и тянет сократить это расстояние. Растерявшись от близости Кейдена, Ветта прижала уши и убрала письмо в конверт. Щёки горели румянцем и смотреть на друзей сейчас было совершенно невыносимо. Вот только лёгкий поцелуй в висок заставил ещё больше смутиться.

— Ты самая волшебная на свете.

Глава 30. Остаться невозможно уйти

Так вот, что ощущают, влюбляясь. Ветте казалось, что её стул ощерился иглами, тело бросило в жар, словно она переела забродивших ягод, пальцы дрожали, как у старого пропойцы, и томная нега бежала по венам. И всё от одного целомудренного поцелуя. Хотелось сбежать к себе в комнату, закрыться там от мира, отдышаться, снова стать собой. Но сердце уже захлёбывалось в учащённом ритме, а губы предательски покалывало. Слова Кейдена, произнесённые дрогнувшим, полным нежности голосом, эхом отзывались в голове, вынуждая хвост ходить ходуном, будто преданный пёс, получивший ласку хозяина. Но самое удивительное: хвост Кейдена выдавал все те же эмоции, иногда они задевали друг друга, и тогда крохотные мурашки скользили по коже, заставляя вставать дыбом редкие серебристые шерстинки на руках.

Глядя в свою тарелку с остатками неровно порезанного Арком торта — тот старался сохранить цветы целыми, — лира Норе и не заметила, как они с Кейденом остались одни. Друзья оставили их, разойдясь по комнатам, шутливо обсуждая оробевшую пару.

За окном сверкало и грохотало. Буря бушевала и гремела. Казалось, только в стенах таверны остался островок мира и безопасности.

Когда Ветта повернулась к Кейдену, лир не сводил с неё глаз, ласково улыбаясь, наблюдая за сменяющимися друг друга эмоциями на лице лиры Норе. Испуг и понимание, недоверие и нежность, сомнения в самой себе и в нём. И всё же...

Лир Сел наклонился, а она не отпрянула. Губы встретились в ласковом и нежном поцелуе, заставляя сердца влюблённых то замирать, то задыхаться от счастья. И от этого она посмела сбежать? Как же она была глупа, отказываясь от этого пьянящего моря обнажённых чувств! Но где-то в глубине души продолжала биться мысль, что она всё сделала правильно, так и должно быть. В таверне «Перекрёсток» Ветта Норе обрела себя и нашла свою судьбу, мир же получил место, где нет споров и ссор. Ведь сколько было постояльцев за всё это время и ни одной стычки! И даже двое аммилисов — первые здесь из своего народа — нашли то, что искали годами.

Нежась в объятьях Кейдена, Ветта улыбалась, разглядывая остатки празднества. Ещё столько предстояло сделать, но уже сейчас она понимала, что всё будет так, как нужно. Она прошла своё испытание, ведь чтобы нести мир другим, сначала нужно обрести мир внутри себя.

— Союз закрепим в эльфийском лесу, а потом в таверне? — подняв голову, хитро спросила лира, наблюдая, как зрачки наречённого изумлённо расширяются, а потом наполняются радостью.

— Думаю, род Сел не откажется от такой церемонии, если в таверне всё будет по нашим традициям, — помедлив ответил Кейден. — Да и матушка с батюшкой давно мечтали побывать в Лесных Хоромах. Об эльфийской библиотеке ходят легенды, возможно, получится договориться с эльфами и посмотреть пару книг...

— Это легко устроить, — фыркнул сзади Амрэль. — Тем более для супруга полноправной хозяйки таверны — это будет даже почётно.

Любопытство пересилило, и отдав паре, как показалось друзьям, достаточно времени, они вернулись в трапезную, чтобы застать самое интересное.

— Леди Мэлин шьёт чудесные платья, они словно сотканы из волшебства! —

восхищённо прижала ладони к заалевшим щекам Эймера, усаживаясь обратно за стол.

— Думаю, нам нужно будет что-то особенное, — назидательно погрозила пальцем девушке огриха. — Ветта не просто аммилиса, она — хозяйка «Перекрёстка». Места, которое объединяет народы. Почему бы в их церемонии не учесть традиции каждого из народов?

— Это кажется интересной идеей, — задумчиво произнёс лир Сел, мысленно он уже представлял какие из обрядов можно перенять для их праздника. Вот только шуточное похищение наречённой, принятое у огров, совершенно не нравилось аммилису, вынуждая ревниво сопеть.

Заметив хмурый взгляд Кейдена, обращённый к ним, Арк моментально понял его причину, засмеявшись:

— Как насчёт церемонии первой трапезы от огров? Будет даже интересно посмотреть, как Кейден испечёт обычный ржаной хлеб, особенно на фоне мастерства Ветты.

Старый огр даже фыркнул от предвкушения, вынудив Кейдена смущённо прижать уши.

Споры и дружеские перепалки не затихали до самой ночи, и когда световые шарик стали сиять не так, ярко чётко выверенный план торжества устроил всех, а в особенности наречённых. И когда на пятый день буря утихла, лишь отдалёнными раскатами и редкими безвредными всполохами напоминая о себе, приготовления начались.

Стая Аки сбилась с крыльев, разнося приглашения, сверкая пропускными медальонами, дающими право на беспрепятственные полёты в любых землях — подарок Амрэля пришёлся по душе ночным странникам. В таверне ещё никогда не было столько посетителей! Элеон даже всерьёз предлагал достроить ещё одну пристройку с комнатами. Огры, люди, аммилисы, эльфы ютились в комнатах, согласные на дискомфорт, лишь бы увидеть удивительный праздник. Привезённых из города после бури заказов едва хватило, чтобы с относительным комфортом обустроить всех желающих.

Когда белоснежные лепестки закружили в воздухе, оседая на землю и наряды Ветты и Кейдена, вечнозелёный лес взорвался пожеланиями счастья. Впервые в этом мире не было ни склок, ни распрей, церемония уважила каждый народ, и таверна «Перекрёсток» поистине стала местом, объединяющим всех.

— Ветта, милая, ты уверена, что тебе стоит поднимать такую тяжесть? — обеспокоенно бросился к супруге лир Сел, отбирая латку с жарким.

В глазах Кейдена в положении Ветты даже поднятый ею половник казался непосильно тяжёлым, но супруга бодро ускользала от всех его попыток возмутиться тем, что на последних сроках ожидания она продолжает снова по таверне, делая сотни дел. А ведь они ждут сразу двоих щенков!

Лири Сел отшучивалась и продолжала свои попытки управлять всем и сразу, тем более в этом у неё была напарница. Леди Эймера, так же на сносях, уворачивалась от заботы Амрэля, по-прежнему помогая наводить порядок в комнатах и в трапезной.

— Кейден, милый, я всего лишь жду щенят, а не отправляюсь на встречу к богам на смертном одре, — пожурив своего супруга Ветта, забирая назад латку и выпроваживая того из кухни. — Помоги лучше Элеону с пристройкой, а то опять повредит мою оранжерею и придётся искать новые саженцы ирисов на болоте!

— Снова ты туда не пойдёшь! Хватило и прошлого раза! Как ты вообще забралась на ту кочку?! — возмутился лир в закрытую перед его носом дверь.

— Обязательно пойдёт, — перехватывая получше ящик с эльфийским вином, поддразнил друга Амрэль, бросая обеспокоенные взгляды на натирающую до блеска стойку супругу. — Я бы даже не сомневался.

Има и Арк только посмеивались над будущими отцами, временами подшучивая над ними, вспоминая себя в молодости и своих детишек в первые годы жизни. Амрэль и Кейден бледнели, хватались за головы и разрабатывали планы как сделать мир самым мягким и безопасным местом: а ну как угол окажется слишком острым или ступенька слишком высокой?

Отвлечься от мыслей помогала лишь работа, оказавшаяся бесконечной: о таверне прознали даже отшельники с края мира, стремясь посмотреть на удивительное место. Легенды и предания, байки и истории взмывали под потолок, кружились там вместе с музыкой, заполняя бреши в памяти поколений. Даже замкнутые аммилисы полюбили бывать тут: торговые обозы и просто любопытствующие нет-нет, да и заходили на огонёк.

В окнах всё так же горели фонарики, знаменуя посетителям, что здесь им всегда будут рады, угостят золотистым вином из лучших эльфийских виноградников, поделятся свежеспечённым хлебом и попросят поделиться своей историей. Добро пожаловать!

Конец